Поворот ключа

Автор:
Рут Уэйр

Поворот ключа

Рут Уэйр

Психологический триллер (АСТ)

Когда Роуэн Кейн случайно видит объявление о поиске няни, она решает бросить вызов судьбе и попробовать себя на это место. Ведь ее ждут щедрая зарплата, красивое поместье в шотландском высокогорье и на первый взгляд идеальная семья. Но она не представляет, что работа ее мечты очень скоро превратится в настоящий кошмар: одну из ее воспитанниц найдут мертвой, а ее саму будет ждать тюрьма.

И теперь ей ничего не остается, как рассказать адвокату всю правду. О камерах, которыми был буквально нашпигован умный дом. О странных событиях, которые менее здравомыслящую девушку, чем Роуэн, заставили бы поверить в присутствие потусторонних сил. И о детях, бесконечно далеких от идеального образа, составленного их родителями…

Однако если Роуэн невиновна в смерти ребенка, это означает, что настоящий преступник все еще на свободе

Рут Уэйр

Поворот ключа

Посвящаю эту книгу Йэну – с огромной любовью, которую невозможно высказать словами.

Ruth Ware

THE TURN OF THE KEY

First published as THE TURN OF THE KEY by Harvill Secker, an imprint of Vintage.

Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

Перевод с английского Л. Таулевич

© Ruth Ware, 2019 Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

3 сентября 2017 года

Уважаемый мистер Рэксем!

Я знаю, что мы не знакомы, но, пожалуйста, умоляю, помогите

3 сентября 2017 года

Тюрьма Чарнворт

Уважаемый мистер Рэксем!

Вы меня не знаете, но, возможно, читали о моем деле в газетах. Пишу вам, потому что хочу попросить

4 сентября 2017 года

Тюрьма Чарнворт

Уважаемый мистер Рэксем!

Надеюсь, это правильное обращение. Я никогда в жизни не писала барристерам[1 - Барристер – категория адвокатов в Великобритании высшего ранга. В отличие о солиситора, имеет право выступать во всех судах. – Здесь и далее примеч. пер.].

Прежде всего должна сказать: я знаю, что так не принято. Мне следует действовать через моего солиситора, но он

5 сентября 2017 года

Уважаемый мистер Рэксем!

У вас есть дети? Или любимые племянники? Если так, позвольте мне апеллировать к вашим

Уважаемый мистер Рэксем!

Пожалуйста, помогите. Я никого не убивала.

7 сентября 2017 года

Тюрьма Чарнворт

Уважаемый мистер Рэксем!

Вы не представляете, сколько раз я начинала писать это письмо, пока наконец не поняла: волшебной формулы не существует. Я не могу заставить вас выслушать мою историю. Поэтому постараюсь изложить все на бумаге, сколько бы ни понадобилось времени, хотя это невероятно сложно, и я могу все испортить. Я просто расскажу вам правду.

Меня зовут… Я останавливаюсь, и мне вновь хочется разорвать письмо на мелкие клочки.

Стоит вам узнать мое имя, и вы поймете, чего я от вас хочу. О моем деле писали газеты, моим именем пестрели заголовки, мое искаженное отчаянием лицо смотрело на вас с первых полос. Они уже обвинили меня и вынесли приговор, почти равносильный приговору суда. Боюсь, что, если назову свое имя, вы не захотите со мной связываться и выбросите это письмо. Я вас не виню, но умоляю, выслушайте.

Я молода, мне двадцать семь лет, и, как вы уже поняли по обратному адресу, я нахожусь сейчас в женской тюрьме Чарнворт, в Шотландии. Я никогда не получала писем из тюрьмы и не знаю, отличаются ли они от обычных, но, думаю, мое местонахождение станет вам известно еще до того, как вы вскроете конверт.

Однако вы можете не знать другого: я ожидаю суда. И уж точно не знаете, что я невиновна. Да, да, все так говорят. Все, кого я здесь встречала, невиновны, кого ни послушай. Только в моем случае это правда.

Вы наверняка догадались, чтог мне от вас нужно. Я пишу, чтобы попросить вас выступить моим солиситором в суде. Я понимаю, что так не делается и подзащитные не должны обращаться напрямую к адвокатам. Извините, ранее я нечаянно назвала вас барристером. Я плохо разбираюсь в законах, тем более в шотландских. Все свои знания я почерпнула от соседок по камере, в том числе и ваше имя.

У меня уже есть солиситор – мистер Гейтс. Насколько я понимаю, адвоката, который будет защищать меня на суде, должен найти он. Но я оказалась здесь именно из-за мистера Гейтса. Я его не выбирала. Его нашли полицейские, когда я испугалась и заявила, что не буду отвечать на вопросы, пока мне не предоставят адвоката.

Я думала, что он все уладит и поможет мне. Но когда мистер Гейтс приехал… Он сделал только хуже. Он не давал мне говорить, прерывал все мои объяснения дурацкой фразой: «У моей клиентки нет комментариев». От этого складывалось впечатление, что я виновна. Если бы мне позволили объяснить, это не зашло бы так далеко. Они все переворачивали с ног на голову, и мои слова звучали так, словно я действительно виновата.

Не то чтобы мистер Гейтс не слышал мою версию событий. Конечно, я ему рассказывала, но каким-то образом… О боже, как трудно изложить в письме… Он вроде бы сидит, говорит, слушает… да только не слышит. А если и слышит, то не верит. Когда я пытаюсь рассказать все с самого начала, он перебивает меня вопросами, запутывает, я сбиваюсь, и мне хочется закричать, чтобы он заткнулся к чертовой матери.

И он постоянно напоминает о том, что я сказала на допросе в ту ужасную первую ночь в полицейском участке. Меня мучили и мучили, и я сказала… господи, я и сама уже не помню. Простите, я плачу. Извините за пятна на бумаге.

Что я сказала, что же я тогда сказала… Да, ничего уже не изменить. Мои слова записаны. И это плохо, очень плохо. Думаю, если бы можно было передать мое дело человеку, который действительно меня выслушает… Вы понимаете, что я имею в виду?

Господи, наверное, нет. Вы ведь никогда не были на моем месте. Не сидели за столом, чуть не падая от усталости, вас не тошнило от страха. А они все спрашивают, допытываются, и в конце концов ты сама не знаешь, что говоришь.

В общем, я няня семьи Элинкорт, мистер Рэксем.

И я не убивала этого ребенка.

Я начала писать вам прошлым вечером, мистер Рэксем, а утром, когда проснулась и увидела помятые страницы, исписанные дрожащими каракулями, хотела порвать их и начать сначала, как делала уже раз десять. Я должна была написать все по порядку, хладнокровно и четко, чтобы вы поняли. А вместо этого облила письмо слезами и запуталась в упреках.

Затем я перечитала написанное и подумала, что не смогу начать заново. Надо продолжать. Все это время я говорила себе, что если бы кто-нибудь помог мне собраться с мыслями и выслушал мой рассказ, не перебивая, то я сумела бы объяснить.

Это мой последний шанс.

В Шотландии человека могут держать в тюрьме до суда сто сорок дней. Правда, одна женщина ждет уже почти десять месяцев. Знаете, как это долго? Десять месяцев! Нет, вы не знаете, мистер Рэксем! Позвольте мне объяснить. В ее случае ожидание длится двести девяносто семь дней. Она пропустила Рождество со своими детьми. Все их дни рождения. День матери, и пасху, и начало школьных занятий.

Двести девяносто семь дней. А дату суда продолжают откладывать. По словам мистера Гейтса, меня не будут держать так долго, поскольку дело получило широкую огласку.

Так или иначе, сто, сто сорок, двести девяносто семь – это очень много, мистер Рэксем. Есть время подумать, вспомнить, попытаться понять, что произошло. Ведь я многого до сих пор не понимаю, только одно знаю наверняка: я не убивала эту девочку. Не убивала! Как бы ни старалась полиция извратить факты и загнать меня в ловушку, здесь они бессильны.

Я ее не убивала, значит, это сделал кто-то другой. И этот человек на свободе, а я гнию в тюрьме.

Я заканчиваю, письмо не должно быть слишком длинным – вы занятой человек и можете не дочитать до конца. Но очень вас прошу, поверьте мне. Вы единственный, кто в силах мне помочь.

Пожалуйста, приезжайте со мной повидаться, мистер Рэксем. Позвольте объяснить вам мои обстоятельства и то, как я запуталась в этом кошмаре. Если кто-то и сумеет убедить присяжных, то только вы.

Я внесла ваше имя в список посетителей, а если у вас есть вопросы, можете писать на этот адрес. Я никуда отсюда не денусь. Ха-ха.

Извините, я не хотела заканчивать письмо на шутливой ноте. Ничего смешного нет. Я в тюрьме, и мне грозит…

Нет, не хочу даже думать. И не буду. Меня не могут осудить, ведь я невиновна. Нужно просто всех в этом убедить. Начиная с вас.

Пожалуйста, мистер Рэксем, скажите, что согласны мне помочь. Умоляю, напишите мне. Не хочу показаться мелодраматичной, но вы – моя последняя надежда.

Мистер Гейтс мне не верит, это написано у него на лице.

Мне почему-то кажется, что вы поверите.

12 сентября 2017 года

Тюрьма Чарнворт

Уважаемый мистер Рэксем!

С момента написания моего письма прошло три дня, и не стану скрывать: никогда в жизни я не ждала ответа с таким пылким нетерпением. Каждый день, когда приносят почту, у меня замирает сердце и я начинаю отчаянно надеяться… А вы не даете о себе знать.

Простите. Это уже какой-то эмоциональный шантаж. Я не хотела. Понимаю, у вас много других дел, а со времени отправки моего письма прошло всего три дня. Но я почему-то надеялась, что шумиха в газетах, которая не принесла мне никакой пользы, хотя бы сделала меня в некотором роде знаменитостью, что позволит моему посланию не затеряться в потоке других писем, полученных вами от нынешних или будущих клиентов и от всяких психов.

Неужели вас не интересует, что случилось на самом деле, мистер Рэксем? Меня – очень.

Так или иначе, прошло три дня (по-моему, я об этом уже упоминала), и… я начинаю беспокоиться. Здесь особо нечего делать, у меня полно свободного времени, чтобы размышлять, мучиться и предполагать худшее.

Несколько последних суток я именно этим и занималась. Волновалась, что вы не получили письмо. Или тюремные власти его не передали (не знаю, могут ли они поступить так без моего ведома). Или что я плохо объяснила.

Больше всего меня тревожит последнее. Ведь если так, то я сама виновата. Я старалась писать коротко и ясно, но теперь думаю, что зря. Вам нужны факты, подтверждающие мою невиновность. Вы ведь не можете верить мне на слово.

Когда я попала в тюрьму, остальные заключенные – не стану кривить душой – казались мне людьми из другого мира. Нет, я не считала себя лучше их. Просто они были здесь… на своем месте, что ли. Даже смертельно напуганные и те, кто пытался навредить себе, даже те, что визжали, бились головой об стены камер и кричали по ночам, даже совсем молоденькие девочки, едва окончившие школу. Они… не знаю, как объяснить. Мне казалось, что они здесь в своей стихии – с бледными, изможденными лицами, зачесанными назад волосами и смазанными татуировками. Весь их вид указывал на то, что они… виновны.

Я другая. Прежде всего, я англичанка. Я не понимала, чего от меня хотят, когда они злились и начинали кричать что-то мне в лицо на своем странном жаргоне. Кроме того, я отношусь к среднему классу. Это написано у меня на лбу. А самое главное – я никогда не сидела в тюрьме. И не знакома ни с одним человеком, сидевшим в тюрьме. Здесь существуют особые правила, свои секретные коды, свои подводные течения. Я не понимала, что произошло, когда в коридоре одна заключенная передала что-то другой и на них набросились охранники, не понимала, когда может начаться драка и кто станет бросаться на людей. Не понимала, от кого надо держаться подальше. Не знала, как одеваться и как себя вести, из-за чего тебе могут плюнуть в лицо или ударить. Не знала, что может спровоцировать охранников.

Я по-другому говорила, не так выглядела, вообще казалась себе не такой, как они.

А однажды в уборной я увидела женщину с бледным ожесточенным лицом и гладко зачесанными назад, как у всех остальных, волосами. Она шла прямо на

меня. Ее глаза напоминали два холодных гранитных осколка. Моей первой мыслью было, что незнакомка страшно рассержена и опасна. Я даже подумала, что лучше пойти в другой туалет. И вдруг сообразила, что смотрю в зеркало, на собственное отражение.

Осознание, что я ничем не отличаюсь от других заключенных, втянутых безжалостной системой, должно было повергнуть меня в ужас. Как ни странно, оно мне помогло.

Я по-прежнему чувствую себя не на своем месте. Я для них чужая. Наверное, вам известно: в тюрьмах не любят людей, совершивших преступление против детей. Разумеется, я им сказала, что попала сюда по недоразумению. Но я знаю, что они думают: все так говорят.

Уверена, вы тоже так думаете. Понимаю ваш скептицизм. Мне ведь не удалось убедить полицию. Я здесь. Без права выхода под залог. Значит, виновата.

Только это неправда.

У меня есть сто сорок дней, чтобы вам доказать. Все, что я должна, – рассказать правду, спокойно и четко.

Все началось с объявления.

ТРЕБУЕТСЯ:

Опытная няня в большую семью. С проживанием.

О НАС:

Работающие родители четверых детей, живем в красивой (но достаточно отдаленной) местности на шотландском высокогорье. Мать и отец совместно руководят небольшой архитектурной фирмой.

О ВАС:

Мы ищем опытную няню, которая умеет ухаживать за детьми любого возраста, от младенца до подростка. Вы должны быть трудолюбивы, невозмутимы и способны самостоятельно справиться с детьми. Необходимы также отличные рекомендации, проверка криминальной истории, сертификат о прохождении курсов первой помощи и водительские права.

ПОДРОБНЕЕ О РАБОТЕ:

Мать и отец работают большей частью удаленно, и в такие периоды у вас будет обычный рабочий день с восьми до пяти, плюс один вечер в неделю; суббота и воскресенье – выходные. Мы стараемся составлять рабочий график таким образом, чтобы один из родителей всегда находился дома. Тем не менее случаются ситуации, когда обоим необходимо отлучиться (исключительно редко, на срок до десяти дней), и в таких случаях вы полностью заменяете родителей.

Со своей стороны, мы предлагаем весьма щедрое вознаграждение в размере 55 тысяч фунтов в год (общая сумма, включая премию), возможность пользоваться автомобилем, а также восьминедельный отпуск.

Резюме отправлять Сандре и Биллу Элинкорт, Хетербро-Хаус, Карнбридж.

Я запомнила его почти дословно. Самое смешное – когда я наткнулась на объявление в результатах поиска, я даже не занималась поисками работы. Я искала… На самом деле не важно. Я искала нечто совсем другое. Объявление свалилось на меня неожиданно – как подарок небес.

Я прочла его два раза. Сердце бешено застучало. То, что мне нужно. Перечитывая в третий раз, я боялась посмотреть на дату, до которой можно отправлять резюме, уверенная, что опоздала.

Нет, объявление было размещено в тот вечер. Я не могла поверить. Меня смутила не только оплата, хотя, видит бог, сумма была внушительная. И не сама работа. Меня поразило, как вовремя оно попалось мне на глаза – в самый подходящий момент.

Видите ли, моя подруга, с которой мы делили расходы на квартиру, как раз отправилась путешествовать. Мы познакомились в детском садике «Малышата» в Пекхэме, работая бок о бок в ясельном отделении. Мы вместе высмеивали

нашу противную начальницу и требовательных, помешанных на своих отпрысках родителей, с их чертовыми фланелевыми подгузниками и домашними…

Простите, я не хотела ругаться. Хоть я и зачеркнула это слово, вы все равно можете его увидеть, а вдруг у вас тоже есть дети, и вы в свое время отдавали их в какие-нибудь «Плюшевые попки», или как тогда назывались модные детские сады.

Ясное дело, все родители хотят для своих детей самого лучшего. Прекрасно их понимаю. Но когда тебе приходится целый день менять вонючие тряпочки и складывать их в стопки, чтобы в конце дня отдать родителям, и глаза выедает от запаха мочи… В принципе, я не против. Такая у меня работа. Но надо время от времени выпускать пар, иначе взорвешься от злости.

Извините, я отвлеклась. Наверное, поэтому мистер Гейтс всегда затыкает мне рот. Ведь я сама копаю себе яму, знаю, что надо остановиться, и все равно продолжаю. Вы, наверное, уже сделали выводы. Ага, сама призналась, что не любит детей. Работа ее раздражает. Что будет, если оставить такую девицу наедине с четырьмя детьми, без единого взрослого, на которого можно «выпустить пар»?

Так рассуждали полицейские. Каждый раз, когда я роняла очередную опрометчивую фразу, их глаза загорались торжеством. Накапливая улики, они собирали мои неосторожные слова, как хлебные крошки.

Но в том-то и дело, мистер Рэксем, я могла бы наплести вам кучу небылиц о том, какая я заботливая, самоотверженная няня, почти святая. Только это будет вранье. А я не собираюсь обманывать. Мне надо, чтобы вы мне поверили. Больше всего на свете.

Я говорю правду. Голую, неприглядную правду – как есть. Да, я не вела себя как ангел, но я никого, на хрен, не убивала.

Извините, я не хотела выражаться. Черт, ничего не получается. Нужна ясная голова, чтобы все внятно объяснить. Мистер Гейтс говорит, что я должна придерживаться фактов.

Хорошо. Только факты. Объявление – это ведь факт, правильно? Объявление с головокружительно высокой оплатой. Оно должно было стать первым тревожным звонком. Абсурдно щедрое жалованье. Слишком высокое даже для приходящей няни в Лондоне. А уж платить столько няне, которая живет на всем готовом, включая еду, жилье и оплату счетов, – просто смешно. Это было настолько невероятно, что у меня закралась мысль об опечатке. Или же они чего-то недоговаривают. Возможно, дети с особенностями развития? Нет, об этом указали бы в объявлении.

Полгода назад я просто пожала бы плечами и вернулась к своим делам. Но полгода назад я не искала бы в Сети то, что искала в тот день. У меня была подруга, с которой я делила расходы на жилье, работа, которая мне более-менее нравилась, и перспектива повышения в должности. Все шло хорошо. С тех пор многое изменилось.

Пару месяцев назад девушка, о которой я упоминала, отправилась путешествовать. Когда она сообщила о своем решении, я не особенно расстроилась. Честно говоря, многие ее привычки меня раздражали. Она целый день загружала посудомоечную машину, никогда ее не включала и постоянно слушала популярные хиты диско, мешавшие уснуть. И все равно я знала, что буду по ней скучать, хотя не подозревала, что так сильно.

Моя подруга оставила свои вещи, и мы договорились, что она будет оплачивать половину аренды, сохраняя комнату за собой. Меня это устраивало, поскольку до нее мне не везло с соседями, и я не горела желанием давать объявление на «Фейсбуке» и вычислять всяких ненормальных по сообщениям и электронным письмам. А еще это гарантировало, что рано или поздно она вернется.

Квартира оказалась в моем полном распоряжении, я могла смотреть по телевизору что заблагорассудится. Но когда ощущение свободы и новизны прошло, мне стало одиноко. «Ну что, выпьем по бокальчику?» – говорила, бывало, она вечерами после работы. За бутылкой вина мы перемывали косточки хозяйке садика Вэл и делились смешными историями о самых занудных родителях.

Не получив желанного повышения, я пошла в паб одна, чтобы залить горе пивом, и сидела в одиночестве, роняя слезы в бокал. Останься подруга в Лондоне, все было бы совсем иначе. Мы вместе посмеялись бы над моим фиаско, а на работе она передразнивала бы Вэл и хохотала, чуть не застигнутая на месте

преступления.

Дело в том, мистер Рэксем, что я всю жизнь боюсь потерпеть поражение. В чем бы то ни было. На экзаменах, в отношениях, в работе. Я подсознательно занижаю планку, чтобы избежать неудачи. Или, как в случае со свиданиями, вообще не ставлю целей, боясь оказаться отвергнутой. Я и в университет из-за этого не пошла. У меня были приличные оценки, но мысль, что меня не примут, казалась невыносимой. Они прочтут заявление и презрительно скажут: «Кем она себя возомнила?»

Меня больше привлекала синица в руках, чем журавль в небе. Я всегда знала, что риск – это не мое, только до отъезда подруги не подозревала, что плохо переношу одиночество. Думаю, именно ее уход вытолкнул меня из зоны комфорта и заставил с замиранием сердца перечитывать злосчастное объявление, пытаясь представить, что за ним стоит.

На первом допросе полиция напирала на высокую зарплату. На самом деле деньги стояли для меня не на первом месте. И дело даже не в соседке по комнате, хотя невозможно отрицать: не отправься она в путешествие, ничего бы не случилось. Нет, настоящая причина… Да вы ведь знаете. Об этом писали все газеты.

Сославшись на плохое самочувствие, я ушла с работы и целый день возилась с резюме, а также собирала документы, необходимые для того, чтобы убедить Элинкортов в моей профессиональной пригодности. Проверка криминальной истории – галочка. Сертификат о первой помощи – есть. Безупречные рекомендации – готово.

Единственным препятствием были водительские права. Ладно, будем решать проблемы по мере поступления. Если дойдет до дела, разберусь позже. Сначала надо попасть на собеседование.

Присовокупив к сопроводительному письму просьбу не наводить справки в «Малышатах», чтобы нынешний работодатель не узнал раньше времени о моих планах сменить работу, я отправила документы по указанному адресу. Теперь оставалось только запастись терпением.

То были тяжелые дни, мистер Рэксем, хотя, конечно, и не такие, как сейчас. Вы не представляете, как мне хотелось попасть на собеседование. Я начала это осознавать только после отправки документов. С каждым прожитым днем надежда угасала, и я с трудом подавляла желание связаться с Элинкортами и попросить ответа. Я не сделала этого только потому, что понимала: нельзя показывать свое отчаяние.

А через шесть дней пришло письмо.

Кому: supernanny1990@ymail.com

От кого: sandra.elincourt@elincourtandelincourt.com

Тема: Вакансия няни

Элинкорт. Одной фамилии хватило, чтобы у меня закрутило в животе от волнения. Пальцы дрожали так сильно, что я с трудом нажала «открыть», а сердце стучало где-то в горле. Обычно люди не пишут соискателям, которые им не подошли, а значит…

Здравствуйте, Роуэн!

Большое спасибо за отклик. Извините, что заставила ждать. Признаюсь, такое количество соискателей стало для нас неожиданностью. Ваше резюме произвело на нас благоприятное впечатление, и мы хотели бы пригласить вас на собеседование. Поскольку мы живем в достаточно отдаленной местности, то готовы взять на себя оплату дорожных расходов, а также предоставить вам комнату на ночь, поскольку вы не сможете вернуться в Лондон в тот же день.

Тем не менее существует одно обстоятельство, о котором я должна упомянуть, на случай если оно может повлиять на ваше решение.

После покупки Хетербро-Хауса нам стало известно о некоторых связанных с ним суевериях. За много лет в нем произошло не больше смертей и трагедий, чем в

любом другом старинном доме, но по какой-то причине они вылились в слухи о привидениях и тому подобном. К несчастью, это послужило причиной ухода уже нескольких помощниц. Если точнее, за последний год с небольшим от нас ушли четыре няни.

Как вы понимаете, это негативно отразилось и на детях, и на нашей с мужем профессиональной деятельности.

Поэтому мы не скрываем своих трудностей и предлагаем щедрое вознаграждение, надеясь заинтересовать человека, который готов остаться в нашей семье на длительный срок, по меньшей мере на год.

Если это неприемлемо либо вас беспокоит история дома, пожалуйста, сообщите об этом сейчас, поскольку мы не хотим вновь расстраивать детей. Учитывая вышеупомянутое, базовая зарплата будет выплачиваться ежемесячно, а крупный бонус – по истечении годичного срока.

Если вы готовы приехать на собеседование, несмотря на вышесказанное, то, пожалуйста, дайте знать, когда вам удобно на следующей неделе.

С наилучшими пожеланиями и надеждой на скорую встречу,

Сандра Элинкорт.

Я закрыла письмо и долго сидела, уставившись на экран. Затем встала, мысленно испустила победный клич и ликующе вознесла руки над головой. Ура! Получилось!

Тут бы мне и заподозрить неладное: слишком уж хорошо все складывалось.

Я преодолела первые трудности, мистер Рэксем. Теперь передо мной стояла задача посложнее: пройти собеседование.

Почти через неделю после получения письма от Сандры Элинкорт я сидела в поезде, вживаясь в роль идеальной няни Роуэн. Моя непокорная шевелюра была

расчесана до блеска и стянута в аккуратный хвост, ногти отполированы, а макияж сведен к минимуму. Я надела свой лучший наряд, который придавал мне вид готовой на компромисс, ответственной, жизнерадостной, трудолюбивой, профессиональной и не слишком высокомерной няни, которая может при необходимости встать на колени и убрать за ребенком, – строгая твидовая юбка, опрятная белая блузка и кашемировая кофта. Словом, не элитная няня из Норланд-колледжа[2 - Норланд-колледж – известное учебное заведение Англии, занимающееся подготовкой нянь, в том числе для королевской семьи.], но серьезный шаг в этом направлении.

Меня трясло от волнения. Я никогда в жизни не делала ничего подобного. То есть ухаживать за детьми я, разумеется, умела. Ведь я занималась этим почти десять лет, хотя больше в детских садах, а не в семьях.

Дело в другом. Я не привыкла рисковать. Сколько себя помню, всегда опасалась потерпеть неудачу. Я безумно желала этой поездки и в то же время смертельно боялась того, что она принесет.

Как назло, поезд опаздывал, и дорога до Эдинбурга заняла не четыре с половиной часа, согласно расписанию, а почти шесть. Когда я выбралась из поезда на вокзале Уэверли, с трудом волоча затекшие ноги, выяснилось, что я безнадежно опоздала на следующий. К счастью, в Карнбридж шел еще один поезд, в ожидании которого я отправила миссис Элинкорт сообщение с многословными извинениями и предупреждением о задержке.

Наконец он прибыл – старенький и невзрачный, совсем непохожий на просторный современный «Интерсити», доставивший меня в Эдинбург.

Я устроилась у окна. Поезд мчал меня на север, расстилавшиеся за стеклом зеленые поля сменились дымчато-голубыми и лиловыми вересковыми пустошами, за которыми поднимались покатые вершины гор, и с каждой станцией картина становилась все более темной и торжественной. Это было так красиво, что я забыла о своем раздражении.

Вид величественных холмов вдали настроил меня на философский лад. Мандраж прошел, я расслабилась, и… не знаю, как вам объяснить, мистер Рэксем… у меня словно появилась надежда. Надежда, что моя жизнь изменится.

Мы проезжали станции со смутно знакомыми названиями: Перт, Питлохри, Авимор, а небо за окном становилось все темнее. Наконец я услышала: «Следующая остановка – Карнбридж», поезд замедлил ход и остановился. Я вышла на платформу, сама не своя от волнения. Что дальше?

Миссис Элинкорт написала, что меня кто-нибудь встретит. Что это значит? Такси? Человек с табличкой, на которой написано мое имя?

Пройдя вслед за группкой путешественников к выходу, я в нерешительности топталась на месте. Немногочисленные пассажиры поспешили к автомобилям встречающих друзей и родных, а я стояла с тяжелым чемоданом у ног, мрачно рассматривая пустеющий перрон. Сумерки переросли в темноту, и мой оптимизм начал испаряться. Что, если миссис Элинкорт не получила мое сообщение? Она не ответила. Возможно, вызванное заранее такси не дождалось, и они решили, что я не приеду.

Меня вновь охватила тревога.

Было начало июня, но после лондонской летней духоты вечерний воздух оказался неожиданно прохладным. Со стороны гор налетали порывы холодного ветра, и я, поежившись, теснее запахнула тонкое пальто.

Страшно хотелось курить, однако я знала по опыту, что появляться на собеседовании, благоухая сигаретным дымом, – не лучшее начало. Я посмотрела на телефон. Поезд пришел вовремя – то есть точно в то время, которое я указала в сообщении миссис Элинкорт. Я подумала, что надо выждать пять минут вежливости и позвонить ей. Время истекло, однако я решила подождать еще немножко. Не хотелось производить плохое впечатление и надоедать людям: мало ли, вдруг застряли в пробке.

Прошло еще пять минут. Я начала рыться в сумке, чтобы достать распечатанное письмо, и вдруг заметила идущего в моем направлении мужчину с руками в карманах. Он подошел ближе, и наши взгляды встретились. Волнение не помешало мне заметить, что молодой человек высок, строен и чрезвычайно симпатичен, несмотря на трехдневную небритость и спутанные темные волосы.

Поравнявшись со мной, незнакомец вытащил руки из карманов, и я заметила, что они испачканы, как будто он возился с землей или машинным маслом и

вымыл их второпях. На нем был рабочий комбинезон, и я подумала, что это какой-нибудь стрелочник, однако мужчина неожиданно ко мне обратился:

– Роуэн Кейн?

Я кивнула.

– Меня зовут Джек Грант.

Он обезоруживающе улыбнулся, словно в ответ на шутку, понятную лишь избранным. Говорил он с шотландским акцентом, только более мягко и четко, чем девчонка из Глазго, с которой я работала после школы.

– Я из Хетербро. Сандра попросила тебя встретить. Извини, что опоздал.

– Привет, – смущенно ответила я, сама не понимая, почему так смутилась, и прочистила горло, лихорадочно соображая, что еще сказать. – Гм… ничего страшного.

– Поэтому я в таком виде, – продолжал парень, сокрушенно оглядев свои руки. – Она сказала, что тебя надо встретить, полчаса назад. Я как раз чинил газонокосилку и боялся опоздать к поезду, поэтому даже не переоделся, бросил все и поехал. Я возьму чемодан?

– Я сама, он не тяжелый. Спасибо, что приехал.

– Не за что, это моя работа, – пожал плечами Джек.

– Ты работаешь у Элинкортов?

– Ага, у Билла с Сандрой. Даже не знаю, как назвать мою должность. Думаю, я фигурирую в ведомостях компании как шофер, но на самом деле я скорее помощник широкого профиля. Занимаюсь садом, ремонтирую машины – в общем, мастер на все руки. А ты новая няня?

– Еще не знаю, – осторожно ответила я.

Джек широко улыбнулся, и я непроизвольно улыбнулась в ответ. У него была заразительная улыбка.

– Я приехала на собеседование. А много претенденток они пригласили?

– Двух или трех. Ты гораздо лучше первой, та почти не говорила по-английски. Не знаю, кто написал ей резюме, но, по словам Сандры, она не могла сделать это сама.

– Надо же! – От его слов мне стало легче. Прежде я рисовала в воображении целую процессию безупречных, вышколенных нянь в стиле Мэри Поппинс. Я выпрямилась и разгладила складки на юбке. – Это хорошо. В смысле, для меня, а не для нее.

Пройдя через небольшую стоянку, мы направились к длинному черному автомобилю на противоположной стороне дороги. Джек щелкнул брелоком в кармане, фары загорелись, а дверцы распахнулись вверх, словно крылья гигантской летучей мыши. Я вытаращила глаза и хихикнула, вспомнив, как гордился мой отчим своим невыразительным серым «Вольво». Джек вновь улыбнулся.

– Необычная, да? Это «Тесла», электрическая. Не уверен, что хотел бы такую машину, но Билл… Да ты скоро сама увидишь, он просто бредит всякими техническими новинками.

– Правда? – тупо переспросила я.

Столь незначительная деталь показалась мне исполненной особого смысла, точно позволяла лучше узнать этого безликого человека. Дождавшись, пока я поставлю чемодан, Джек спросил:

– Хочешь сидеть сзади или рядом со мной?

– Если можно, впереди, – покраснев, сказала я.

Меня передернуло от мысли, что я буду по-королевски сидеть сзади и обращаться с ним как с шофером.

– Отсюда лучше видно, – только и сказал он, щелкнул пультом, опуская крылья, и открыл переднюю пассажирскую дверцу. – Садись, Роуэн.

Я на мгновение замерла, не сообразив, что он обращается ко мне, но быстро овладела собой и села в машину.

К тому времени я уже понимала, что Элинкорты – весьма обеспеченные люди. У них есть личный помощник, и они готовы платить няне пятьдесят пять тысяч фунтов в год – значит, не испытывают нужды в средствах. Однако лишь на подъезде к Хетербро-Хаусу я начала понимать, насколько они богаты.

Мы остановились перед высокими стальными воротами, которые медленно распахнулись, очевидно, среагировав на какой-то датчик в автомобиле. Мне стало не по себе. Почему-то захотелось сказать Джеку, что я приехала сюда не из-за денег. Сколько же они зарабатывают? – вертелось у меня в голове.

«Тесла» с бесшумным электрическим двигателем катилась по неширокой извилистой дороге в жуткой тишине, лишь гравий поскрипывал под колесами.

– Ничего себе, – тихонько пробормотала я, когда мы завернули за очередной поворот, а дома все еще не было видно.

– Обширные угодья, да? – искоса посмотрел на меня Джек.

– Да уж.

Разумеется, в этих краях земля не такая дорогая, как в Лондоне, но все равно чего-то стоит.

Мы протряслись по мостику через быструю речушку с черной от торфа водой и въехали в небольшую сосновую рощу. За деревьями мелькнуло красное пятно, и я вытянула шею, но уже темнело, и я подумала, что померещилось.

Выехав из-под сени деревьев, мы наконец оказались на открытой местности, и передо мной возник Хетербро-Хаус.

Я и сама не знала, что надеюсь увидеть: демонстративно роскошный особняк или приземистую бревенчатую хижину. А увидела достаточно скромное здание в викторианском стиле, правильной четырехугольной формы, похожее на детский рисунок, с лакированной черной дверью посередине. Небольшой добротный дом, сложенный из гранитных блоков, увитых диким виноградом, словно излучал тепло и уют.

Уже совсем стемнело. Джек выключил двигатель и погасил фары. В небе сияли звезды, из окон на гравиевую дорожку лился золотистый свет. Все вместе напоминало сентиментальную иллюстрацию, вроде тех ностальгических картинок на коробках с пазлами, что так любила моя бабушка.

Теплый серый камень с прожилками мха, золотистый свет ламп, сияющий сквозь рифленое стекло, пышные розовые кусты, роняющие лепестки в темноту… Это было почти слишком идеально и невыносимо прекрасно.

Когда я вышла из машины в объятья прохладного вечернего воздуха, чистого и прозрачного, как минеральная вода, у меня захватило дух от острой тоски по такой жизни и всему, что она сулит. Какой разительный, невыносимый контраст с моим детством, которое прошло в бездушном типовом коттедже постройки пятидесятых годов, где во всех комнатах, кроме моей, царил идеальный порядок, и в то же время напрочь отсутствовали индивидуальность и даже намек на уют!.. Я торопливо шагнула на крыльцо – не потому, что горела желанием встретиться с Сандрой, а просто чтобы отделаться от тягостных воспоминаний.

Дверь, отделанная черным лакированным деревом, выглядела на первый взгляд вполне обычной, но чего-то не хватало. Наконец я сообразила: в ней не было замочной скважины. Я растерялась. Она что, фальшивая? Может, настоящая дверь с другой стороны дома?

Дверного молотка тоже не наблюдалось, и я глянула через плечо, собираясь спросить у Джека, каким образом сообщить о своем прибытии, однако он сидел в машине, рассматривая что-то на большом освещенном мониторе, заменявшем этому чуду техники приборную панель.

Я развернулась и занесла руку, чтобы постучать, как вдруг заметила на стене слева от двери тускло освещенный значок в форме колокольчика. Он появился

словно из ниоткуда, и я поняла, что в стене скрыта электронная панель. Я хотела нажать на значок, но электроника, очевидно, реагировала на движение: я еще не прикоснулась к колокольчику, а из глубины дома уже раздался мелодичный перезвон.

Я растерянно моргнула, вспомнив слова Джека: «Билл… он просто бредит всякими техническими новинками». Наверное, Джек имел в виду такие примочки.

– Добрый вечер, Роуэн! – раздался женский голос.

Подпрыгнув от неожиданности, я огляделась в поисках камеры, микрофона, решетки громкоговорителя, но ничего не обнаружила.

– Э-э… гм… да, это я, – сказала я в никуда, чувствуя себя полной идиоткой. – Добрый вечер. Это Сандра?

– Да, я переодеваюсь. Буду внизу через десять секунд. Извини, что заставила ждать.

Я не услышала щелчка, свидетельствовавшего, что она положила трубку, и не получила никакого другого сигнала об окончании разговора. Тем не менее панель погасла. Примерно через тридцать секунд, показавшихся мне невероятно долгими, я услышала оглушительный собачий лай, и дверь распахнулась. На крыльцо выскочили два черных лабрадора, а за ними вышла стройная светловолосая женщина лет сорока, безуспешно пытаясь схватить их за ошейники.

– Хиро! Клод! Вернитесь в дом! – кричала хозяйка.

Не обращая на нее никакого внимания, собаки бросились ко мне. Одна из них больно ткнула меня мордой в ногу. Я нервно хохотнула и отступила на пару шагов назад, вспомнив о единственной целой паре колготок, захваченных с собой. Псина вновь прыгнула на меня, и я чихнула. Черт, я не забыла ингалятор?

– Хиро! Прекрати! – снова крикнула женщина и шагнула ко мне, протягивая руку. – Так ты и есть Роуэн! Успокойся, Хиро, сколько можно!

Ей наконец удалось прикрепить поводок к ошейнику и оттянуть собаку.

– Извини, ради бога. Они очень дружелюбны. Ты не возражаешь?

– Нет, нисколько, – не совсем искренне ответила я.

Я не имела ничего против собак, но их шерсть могла вызвать у меня приступ астмы, и надо было принимать антигистамины. Да и вообще неприятно, когда тебе тычутся носом под юбку при исполнении служебных обязанностей. У меня сдавило грудь, хотя я подозревала, что это, скорее всего, нервное.

– Хороший мальчик, – с деланой доброжелательностью сказала я, потрепав собаку по голове.

– Это девочка, Хиро, а мальчик Клод. Они брат и сестра, – сообщила хозяйка.

– То есть девочка, – поправилась я.

Хиро радостно лизнула мою руку, и я с трудом подавила брезгливое желание вытереть ее о юбку. За моей спиной хлопнула дверца авто, донесся шорох гравия. Собаки переключили внимание на Джека, который достал из машины мой чемодан, и я облегченно вздохнула.

– Вот твой чемодан, Роуэн. Рад был познакомиться, – сказал Джек и повернулся к миссис Элинкорт. – Если можно, Сандра, я закончу с газонокосилкой. Или есть другие поручения?

– Ах да, газонокосилка, – рассеянно произнесла миссис Элинкорт. – Конечно. Ты сможешь ее починить?

– Надеюсь. Если не выйдет, позвоню утром Алеку Брауну.

– Спасибо, Джек, – с чувством сказала Сандра и смерила взглядом стройный силуэт парня, ярко выделявшийся на фоне вечернего неба. – Джек – настоящее сокровище, – обратилась она уже ко мне. – Просто не представляю, что бы мы без него делали. Они с Джин работают у нас с первых дней здесь. Тем более необъяснима вся эта чехарда с нянями.

Ну вот, началось. Сандра вновь упомянула о странном факте, который я старалась забыть. На этом посту не удержались четыре человека.

Получив приглашение на собеседование, я так обрадовалась, что не придала значения словам Сандры. Чушь какая-то. Однако, перечитывая письма и указания по дороге в Карнбридж, я все больше задумывалась. Упоминание о призраках было странным и абсурдным. В поезде я прокручивала в голове ее слова, разрываясь между чувством тревоги и желанием рассмеяться.

Скажу прямо, мистер Рэксем, я никогда не верила в сверхъестественное, и таинственное прошлое Хетербро волновало меня меньше всего. Сама мысль о том, что няню или горничную могут выжить из дома необъяснимые мистические явления, казалась мне безнадежно устаревшей, почти викторианской. Тем не менее Сандра сама призналась, что в течение года от них ушли четыре няни. Допустим, одна из них была перепуганной слабонервной истеричкой, но не четыре же! Значит, там действительно происходит что-то странное, размышляла я на протяжении всего путешествия. Вот только что? Я начинала подозревать, что Хетербро – продуваемая сквозняками, непригодная для жизни развалюха или что у миссис Элинкорт очень тяжелый характер. На данный момент ни то ни другое не оправдалось; впрочем, с выводами спешить не следует.

В доме Хиро и Клод, взбудораженные появлением нового человека, вновь стали проявлять ко мне нездоровый интерес. Когда хозяйке надоело одергивать собак, она затащила их в дальнюю комнату и заперла.

Пока Сандра разбиралась с домашними питомцами, я торопливо нащупала в кармане ингалятор, сделала жадный вдох и остановилась в дверях, рассматривая обстановку. Мебель не отличалась изысканностью, скорее – удобством и пропорциональностью. Но во всем доме царила атмосфера… не знаю, как сформулировать… больших денег, что ли.

Отполированные до блеска деревянные перила, серо-коричневая ковровая дорожка на элегантном изгибе лестницы, мягкое бархатное кресло цвета старой бронзы, притаившееся в уютном уголке, обтрепанный персидский ковер, брошенный на потертые каменные плиты в холле, размеренное тиканье старинных напольных часов у окна, глубокая патина на обеденном столе – все это создавало ошеломляющее впечатление роскоши. Нельзя сказать, что в доме

царил безупречный порядок – возле дивана лежали стопки газет, а перед дверью стояли детские резиновые сапожки, но ничто не выбивалось из стиля. Подушки на диване были пышными и мягкими, в углах комнаты не валялись клочья собачьей шерсти, а на лестнице – комья грязи. Даже запах стоял такой, как нужно – не мокрой псины и прогорклого масла, а пчелиного воска, древесного дыма и высушенных розовых лепестков.

Я попала в идеальный дом, мистер Рэксем. Теплый, бесконечно гостеприимный, какой создала бы сама, располагая достаточными средствами, вкусом и временем.

Меня оторвал от размышлений хлопок двери, и в дальнем конце коридора появилась Сандра. Она тряхнула пышной карамельной шевелюрой и улыбнулась.

– Извини, Роуэн, к нам редко приезжают гости, и собаки сходят с ума, увидев новое лицо. Уверяю тебя, они не всегда так возбуждены. Давай попробуем еще раз. Здравствуй, я Сандра.

Она с улыбкой протянула руку – тонкую и загорелую, с тремя или четырьмя кольцами, на вид очень дорогими, и с неожиданной для женщины силой пожала мою. Я улыбнулась в ответ.

– Ладно, ты, наверное, умираешь с голода и устала с дороги. Ты ведь из Лондона приехала?

Я кивнула.

– Пойдем, покажу тебе комнату. Переоденешься, разберешь вещи, и спускайся ужинать. Просто не верится, что уже так поздно. Десятый час. Тяжело добиралась?

– Нет, – ответила я, – просто долго. В Йорке обнаружилась неисправность на линии, и я опоздала на следующий поезд. Мне очень жаль, я обычно стараюсь быть пунктуальной.

Тут я не лукавила. У меня много других недостатков, но опаздывать я не люблю.

– Я получила твое сообщение, – продолжала Сандра. – Прости, что не ответила. Я не сразу его увидела, была занята купанием детей, успела только выбежать на минутку и попросить Джека тебя встретить. Надеюсь, ты не очень долго ждала.

Вопрос прозвучал риторически, но я все равно ответила:

– Нет, не очень. А дети уже спят?

– Трое младших спят. Мэдди восемь лет, Элли пять, а Петре всего полтора годика, так что они уже в постели.

– А еще один? Вы говорили, у вас четверо? – поинтересовалась я, почему-то вспомнив о красном пятне, мелькнувшем за деревьями, когда мы подъезжали к дому.

– Рианнон двадцать четвертого числа исполнится четырнадцать. Она в пансионе. Мне это не очень нравится, но у нас нет другого выхода. До ближайшей школы – больше часа езды, и тратить на дорогу почти три часа в день – это уже слишком. Она учится в частной школе неподалеку от Инвернесса и приезжает домой только на выходные. У меня сердце разрывается каждый раз, когда дочь уезжает, а она, по-моему, рада.

Если вы так хотите, чтобы дочь жила дома, то почему не переедете в нормальный город? – подумала я, а вслух спросила:

– Значит, я ее не увижу?

– К сожалению, нет, – покачала головой Сандра. – Вообще ты будешь заниматься в основном младшими. Сейчас мы с тобой славно поболтаем, а завтра познакомишься с девочками. Кстати, Билл тоже в отъезде.

– Вот как? – Меня это изрядно удивило, если не сказать большего. Значит, я и его не увижу. Неужели человеку не интересно познакомиться с няней, которая будет присматривать за его детьми? Тем не менее я постаралась придать своему лицу нейтральное выражение. – Очень жаль.

– Да, Билл уехал по делам. Должна признаться, нам сейчас довольно сложно из-за этих неприятностей с нянями. Дети взвинчены, и работа страдает. Мы оба архитекторы, и наша фирма практически состоит из двух человек – он да я. – Сандра блеснула улыбкой, показав ровные белые зубы. – Когда мы ведем несколько проектов одновременно, приходится работать в большом напряжении. Мы стараемся выкручиваться, чтобы один из нас всегда находился с детьми, а после ухода Кати, нашей последней няни, все пошло наперекосяк. Мне пришлось взять на себя дом, а Билл в одиночку разбирается с работой. Предупреждаю – ознакомительного периода не будет. Обычно я первый месяц работаю на дому, чтобы убедиться, что новая няня справляется, но сейчас это невозможно. Билл не может разорваться, и некоторые проекты требуют моего присутствия. Нам нужен человек, который не побоится остаться один на один с детьми в самом ближайшем будущем. Времени на раскачку нет. – Она беспокойно посмотрела на меня, нахмурив брови. – Как думаешь, ты сможешь?

Я сглотнула. Пора отбросить сомнения и войти в образ идеальной няни Роуэн.

– Разумеется, – произнесла я таким уверенным тоном, что даже сама себе поверила. – Вы же видели мое резюме.

– Оно произвело на нас огромное впечатление, – сказала Сандра, и я признательно кивнула. – У тебя прекрасный опыт работы с разными возрастными группами, и ты подходишь нам во всех отношениях. Вот только… как скоро ты можешь приступить к работе? Безусловно, самое главное – найти хорошую няню, но при сложившихся обстоятельствах нам нужен человек, который начнет… по правде говоря, практически немедленно. Было бы нечестно с моей стороны делать вид, что это не повлияет на наш выбор.

– Я должна предупредить текущего работодателя за четыре недели. – Увидев разочарованно вытянувшуюся физиономию Сандры, я поспешно добавила: – Вероятно, я смогу начать раньше: у меня остались неиспользованные дни отпуска. Надо посчитать с календарем. Думаю, что удастся приступить к работе недели через две, а то и раньше.

Если только Вэл не заартачится, подумала я. Хозяйка садика никогда не давала мне повода к чрезмерной преданности.

От меня не ускользнуло, что на лице Сандры отразились надежда и облегчение. Тут она сообразила, что мы все еще стоим у порога.

– О господи, прости, что держу тебя в коридоре. О чем я только думаю: набрасываться на человека с расспросами, не дав снять пальто! Пойдем, покажу тебе комнату, а потом спустишься в кухню, поешь, тогда и поговорим.

Сандра начала подниматься по длинной изогнутой лестнице, беззвучно ступая по мягкому бархатистому покрытию. На втором этаже она остановилась и приложила палец к губам. Я тоже замедлила шаг, разглядывая просторный холл. На маленьком столике стояла ваза с малиновыми пионами, начавшими ронять лепестки. Коридор, освещенный розоватым ночником, уходил в полутьму. Я насчитала шесть дверей. Когда глаза немного привыкли к слабому освещению, я разобрала на самой дальней сделанную пляшущими деревянными буквами надпись: «Принцесса Элли и королева Мэдди». Ближайшая к лестнице дверь была приоткрыта. В комнате тоже горел ночник, и оттуда доносилось тихое посапывание.

– Дети уснули, – прошептала Сандра. – Надеюсь… Чуть раньше я слышала какую-то возню, но теперь все спокойно. Мэдди спит особенно чутко, так что приходится ходить на цыпочках. Наша с Биллом спальня тоже здесь, а комната Рианнон – наверху. Сюда.

Площадка на третьем этаже была чуть поменьше, туда выходило только три двери. Средняя оказалась открыта, там виднелся шкаф со швабрами, тряпками и беспроводным пылесосом, включенным в розетку. Сандра поспешила ее прикрыть. На двери с левой стороны красовалась надпись «Отвали, или сдохнешь!», сделанная ярко-красной губной помадой.

– Комната Рианнон, – пояснила Сандра, приподняв брови, что могло означать и веселость, и вынужденное смирение. – А здесь твоя. – Сандра тронула ручку двери справа от лестницы и тут же смущенно поправилась: – Я имею в виду, что в этой комнате жили все наши няни, и она твоя на сегодняшнюю ночь.

Сандра открыла дверь, и мы ступили во тьму. Хозяйка не стала шарить по стене в поисках выключателя, а достала из кармана телефон. Я думала, что Сандра включит фонарик, но она нажала какую-то кнопку, и в комнате зажегся свет – не только верхний, испускавший слабое золотистое сияние, но и ночник на

тумбочке, и торшер у окна, рядом с маленьким столиком, и какие-то уж совсем сказочные светильнички в изголовье кровати.

Мне не удалось скрыть удивление, и Сандра усмехнулась.

– Круто, да? Выключатели тоже есть, то есть встроенные контрольные панели, а вообще у нас умный дом. Отопление, освещение и вся техника привязаны к телефонам.

Она провела пальцем по экрану, и основной источник света вспыхнул ярче, затем яркость вновь уменьшилась, и зажегся свет в прилегающей к комнате ванной.

– Это относится не только к свету, – продолжила Сандра, поменяла настройки, тронула значок, и из невидимых колонок зазвучала тихая музыка. Кажется, Майлс Дэвис, хотя я не сильна в джазе. – Можно управлять и голосом. По-моему, жутковато… Могу показать. – Она кашлянула и сказала, чуть повысив голос: – Выключить музыку. – Майлс Дэвис резко замолчал. – И, разумеется, можно управлять с панели.

Сандра провела рукой по стене и тронула пальцем пиктограмму на загоревшейся панели. Портьеры на окне задернулись, а через несколько секунд вновь разъехались в стороны.

– Ого! – сказала я, не зная, как реагировать.

С одной стороны, это было поразительно, а с другой… Сандра нашла правильное слово – жутковато.

– Я понимаю, тебе немного непривычно, – вновь улыбнулась Сандра. – Наша профессия вынуждает быть в курсе новинок. – Она посмотрела на часы. – Ладно, я совсем тебя заболтала. Располагайся, разбирай вещи, а я достану из духовки ужин. Увидимся внизу через… пятнадцать минут хватит?

– Да, конечно, – слабым голосом ответила я, и она исчезла, закрыв за собой дверь.

Оставшись одна, я поставила чемодан в угол и прошла к окну. Снаружи царила непроглядная тьма. Лишь прижавшись лицом к стеклу, я смогла различить усеянное звездами небо и темные контуры гор на горизонте. При мысли, насколько это место отрезано от мира, я непроизвольно вздрогнула. Потом отвернулась от окна и стала рассматривать комнату.

В окружающей обстановке меня поразило необычное сочетание старины и современности. Окно с медной ручкой и рифлеными стеклами явно принадлежало к Викторианской эпохе. А освещение относилось к двадцать первому веку: вместо скучной люстры под потолком – множество разнообразных источников света, которые можно настраивать на любую теплоту и яркость. Традиционных радиаторов в комнате тоже не наблюдалось. Я не понимала, откуда идет тепло. Дом явно обогревался, потому что на улице было прохладно, и стекло запотело от моего дыхания. Теплый пол? Какие-то трубы в стенах?

Мебель выглядела более консервативно, в стиле дорогой загородной гостиницы. У противоположной окну стены стояла большая кровать с разбросанными в художественном беспорядке парчовыми подушками, под окном пристроились маленький диванчик и журнальный столик – уютное место, чтобы выпить бокал вина с другом. Меблировку довершали комод, письменный стол, пара кресел и сундук с мягкой обивкой в изножье кровати, который мог служить для хранения вещей либо дополнительным местом для сидения.

Рассмотрев обстановку, я занялась дверями. Открыв одну наугад, я обнаружила вместительный гардероб с пустыми стеллажами и полками, над которыми автоматически включился свет. Вторая дверь была заперта. Третья вела в ванную – Сандра оставила ее приоткрытой. На стене я заметила такую же панель, как на входе в комнату. Я тронула ее рукой, не питая особых надежд, и панель моментально осветилась множеством непонятных значков. Я ткнула пальцем в первый попавшийся, не имея ни малейшего представления, что может произойти, и свет загорелся ярче, явив моему взору современную дизайнерскую душевую кабину с огромной лейкой в потолке и бетонную раковину с туалетным столиком, размер которого превышал рабочую поверхность в моей кухне. Здесь псевдовикторианством и не пахло. Ванная комната представляла космическую эру во всем ее блеске и великолепии.

Я вспомнила ванную у себя дома – клочья волос в ржавом стоке, сваленные в угол грязные полотенца, мутное зеркало с пятнами косметики…

Мои амбиции не простирались дальше того, чтобы приехать сюда, встретиться с Элинкортами и выяснить, чем все закончится. Честно говоря, я не надеялась, даже не мечтала получить эту работу.

А теперь… теперь я захотела. Не только получать пятьдесят пять тысяч фунтов в год. Всего этого. Жить в красивой комнате, в великолепном доме, мыться каждый день в стильном душе с мраморной плиткой, блестящими хромированными кранами и сверкающими стеклами без следов известкового налета.

Более того, мне захотелось стать частью этой семьи. Если у меня и были сомнения по поводу того, зачем я сюда приехала, эта комната не оставила от них камня на камне.

Я долго стояла перед умывальником, опираясь руками о столешницу. На лице, которое смотрело на меня из зеркала, застыло какое-то неприятное выражение. Тревога и… голод в глазах. Нельзя показывать Сандре свое отчаяние. Заинтересованность – да. Но не отталкивающую, голодную безысходность, которая читалась в моих глазах.

Я неторопливо пригладила волосы, облизнула палец и поправила непослушную бровь. Моя рука потянулась к кулону. С тех пор как я окончила школу, правила которой запрещали носить украшения, я его не снимала. В детстве надевала только по выходным и на каникулах, оставляя без внимания мамины вздохи и замечания о дешевых безделушках, от которых остаются зеленые пятна на коже. Кулон был подарком на мой первый день рождения, и теперь, спустя двадцать с лишним лет, он стал частью моего тела. Я его практически не замечала, даже когда теребила пальцами в моменты волнения или скуки.

А на этот раз обратила внимание. Витиеватая серебряная буква «Р» на тонкой цепочке. Вернее, как не уставала напоминать мама, всего лишь с серебряным напылением, и с годами это становилось все более очевидным, поскольку в тех местах, что я постоянно перебирала пальцами, под слоем серебра начинал проступать дешевый желтоватый металл.

У меня не было никаких причин снимать скромное украшение. Вероятность, что его кто-то заметит, приближалась к нулю. И все-таки…

Я медленно завела руки за шею и расстегнула застежку. Тронула губы бесцветным блеском, поправила юбку, затянула хвостик и пошла вниз на главное собеседование в моей жизни.

Спустившись, я не нашла в холле Сандру, зато из дальнего конца коридора доносился соблазнительный аромат. Я вспомнила, что хозяйка дома увела туда собак, и осторожно двинулась вперед. Толкнув дверь, я попала в другой мир.

Заднюю часть дома словно грубо отрезали и срастили с поражающей воображение модернистской коробкой, воплощающей в себе двадцать первый век со всей его неистовой энергией и напором. К высокой стеклянной крыше взлетали блестящие металлические балки, а викторианскую мозаичную плитку сменил наливной бетонный пол, отполированный до тусклого блеска. По стилю это было нечто среднее между бруталистским собором и промышленных размеров кухней. Блестящая металлическая стойка для завтраков, окруженная хромированными табуретами, разделяла помещение на ярко освещенное кухонное пространство и обеденную зону, по всей длине которой тянулся длинный стол с бетонной столешницей.

Сандра стояла перед гигантской плитой – я таких огромных в жизни не видела – и накладывала что-то в две глубокие тарелки. Она повернулась ко мне.

– Послушай, Роуэн, мне очень стыдно: я забыла спросить… ты не вегетарианка?

– Нет, я практически всеядна.

– Фух, просто гора с плеч! Понимаешь, у нас почти ничего нет, кроме жаркого из говядины. Я как раз лихорадочно соображала, успею ли запечь картошку. Кстати, вспомнила. – Она подошла к монструозному стальному холодильнику, тронула пальцем невидимую кнопку на дверце и сказала, четко произнося слова: – «Хэппи», закажи, пожалуйста, картофель.

– Картофель добавлен в список покупок, – ответил механический голос, и на вспыхнувшем экране появился список. – Приятного ужина, Сандра.

Подавив истерический смех, я молча наблюдала за хозяйкой, поставившей на длинный стол две тарелки жаркого, нарезанный хлеб на доске и небольшую мисочку с чем-то белым, напоминающим взбитые сливки.

Тарелки из тончайшего фарфора, вручную расписанные изысканными цветочками и золотыми узорами, выглядели вполне по-викториански. Почти нелепый контраст между четкими модернистскими линиями стеклянной комнаты и хрупкой антикварной посудой немного сбивал с толку. Кухня представляла собой вывернутую наизнанку остальную часть дома. В отличие от викторианской классики, разбавленной редкими штрихами космической эры, здесь преобладала современность. О том, что скрывается за дверью, напоминали только тарелки и тяжелые завитки на столовом серебре.

– Ну что ж, приступим, – сказала Сандра, садясь за стол и жестом приглашая меня последовать ее примеру. – Жаркое из говядины, хлеб можно макать в подливку, а это сливочный соус с хреном, очень рекомендую.

– Пахнет восхитительно, – искренне похвалила я.

Сандра тряхнула волосами, и на ее губах появилась легкая улыбка, которая без ложной скромности говорила: Я знаю.

– Это все плита, «Ла Корню». С ней практически невозможно что-нибудь испортить. Ты просто закладываешь ингредиенты, и она готовит сама. Я порой скучаю по газовым конфоркам, но мы живем в глуши, так что все электрическое. Варочная панель индукционная.

– Никогда не пользовалась индукционной плитой, – сказала я, с сомнением рассматривая агрегат.

Настоящее чудовище: два метра дверей, кнопок, ящиков и ручек, а сверху – гладкая поверхность, непонятно по какому принципу разделенная на зоны.

– Да, к ней надо привыкнуть, – согласилась Сандра. – Но уверяю тебя, все очень интуитивно. Плоская поверхность посередине – теппаньяки. Я отнеслась скептически, узнав ее цену, но Билл настоял, и должна признать, эта плита стоит каждого пенни.

– Понятно, – сказала я, хотя на самом деле ничего не понимала. Что такое теппаньяки?..

Я попробовала жаркое – невероятно вкусно! Дома я не располагала ни временем, ни желанием готовить что-либо подобное. Сандра положила в мою тарелку шарик сливок и придвинула ко мне хлеб. На столе стояла уже откупоренная бутылка красного вина. Хозяйка налила его в два викторианских кубка, подвинула один ко мне и спро- сила:

– Поешь сначала, а потом поговорим или будем беседовать за едой?

Я смущенно опустила взгляд в тарелку, но тут же одернула себя. Что толку откладывать? Я поправила юбку и выпрямила спину.

– Давайте начнем. Что вас интересует?

– В принципе, у тебя достаточно подробное резюме, и оно производит хорошее впечатление. Я уже связалась с твоей предыдущей работодательницей – Грейс… из Девоншира?

– Э… да.

– Она тебя так расхваливала! Надеюсь, ты не против, что я позвонила ей до собеседования. Просто я уже несколько раз обжигалась. Думаю, нет смысла терять твое и наше время, а потом выяснить, что мы друг другу не подходим. Грейс от тебя в восторге. Харкорты, очевидно, переехали, а миссис Грейнджер тоже сказала, что ты супер.

– Вы не звонили в «Малышата»? – осторожно спросила я.

– Нет, я прекрасно понимаю, нынешнему работодателю не понравится, что ты ищешь другую работу. Может быть, ты сама расскажешь, чем там занимаешься?

– Ну я ведь написала об этом в резюме. Проработала там два года, с самыми маленькими детками. Мне хотелось попробовать что-то новое, и я подумала, что детский сад – интересная возможность. Я приобрела организаторские навыки и получила отличный опыт в плане работы в команде, однако, честно говоря, мне

не хватало отношений, которые складываются в семье. Я люблю детей, а там ты проводишь один на один с ребенком меньше времени, чем в семье. Я не предпринимала никаких шагов, потому что не хотела понижать планку в отношении оплаты и ответственности, а работа у вас – именно то, что мне нужно.

Отрепетированная в поезде речь лилась легко и непринужденно. Я побывала на множестве собеседований и знала, насколько важно объяснить, почему ты хочешь поменять работу, не очерняя своего работодателя и не показывая себя нелояльным сотрудником. Мое слегка подкорректированное объяснение нашло отклик в душе миссис Элинкорт: она сочувственно кивала.

– Кроме того, – сымпровизировала я, – мне захотелось вырваться из Лондона. Он такой шумный и загрязненный…

– Прекрасно понимаю, – улыбнулась миссис Элинкорт. – У нас с Биллом произошло нечто подобное несколько лет назад. Рианнон исполнилось восемь, и мы начали задумываться о средней школе. Мэдди была совсем маленькой, и мне надоело гулять с коляской по грязным городским паркам и проверять, нет ли в песочнице иголок. Нам показалось, что это прекрасный шанс – бросить все, начать новую жизнь, найти для Ри школу, которая приучит ее к самостоятельности.

– Вы рады, что переехали?

– Да, очень. Хотя поначалу было непросто, мы уверены, что поступили правильно. Мы обожаем Шотландию, но нам никогда не хотелось покупать второй дом и сдавать его в аренду на протяжении девяти месяцев в году. Мы были настроены по-настоящему жить здесь, понимаешь?

Я непринужденно кивнула, как будто мне каждый день приходилось задумываться о покупке второго дома.

– Хетербро-Хаус оказался крепким орешком, – продолжала Сандра. – Он стоял заброшенным чуть ли не десятки лет. Его хозяин, эксцентричный старик, провел последние годы в пансионате для престарелых, а здесь тем временем все приходило в упадок. Гниль, плесень, взорвавшиеся трубы, прогнившая электропроводка. Мы оставили от дома только каркас и все переделали. Два

года тяжелой работы: перепланировка помещений, переделка всех коммуникаций и систем, от электропроводки до выгребной ямы. Но оно того стоило. И, разумеется, многому нас научило в профессиональном плане. У нас даже есть специальная папка «До и после». Она демонстрирует, что работа архитектора может заключаться как в строительстве нового дома на пустом месте, так и в воссоздании духа существующего. Хотя мы, разумеется, и это делаем. Наша специализация – вернакулярная архитектура.

Кивнув с умным видом, я отпила вина.

– Да что я все о себе да о доме, – спохватилась Сандра, решив вернуться к делу. – Расскажи, почему ты решила стать няней.

Гм… вот так вопрос! У меня в голове промелькнуло не меньше десятка картин. Родители, ругающие меня, шестилетнюю, за испачканное пластилином покрытие на кухне. Девять лет – мама, не скрывая разочарования, качает головой над моим табелем. Двенадцать – никто не удосужился прийти на школьный спектакль. Шестнадцать. «Как жаль, что ты не в ладах с историей» – несмотря на отличные оценки по математике, английскому и естественным наукам. Все восемнадцать лет она считала меня плохой дочерью. Я не оправдывала ее ожиданий.

Сандра застала меня врасплох. Как я могла не подумать! Это же один из самых очевидных вопросов!

– Ну не знаю, – пробормотала я. – Как вам объяснить… Просто… я люблю детей.

Слабовато. Никуда не годится. И к тому же не совсем правда. Когда эти слова сорвались с моих губ, я заметила кое-что не очень приятное для себя. Сандра все еще улыбалась, но ее лицо приняло нейтрально-вежливое выражение. И я вдруг поняла почему. Женщина на пороге тридцатилетия, которая уверяет, что любит детей… Я поторопилась исправить ошибку.

– Честно говоря, я восхищаюсь людьми, которые решаются стать родителями. Я к этому пока совершенно не готова. – Есть! На лице Сандры отразилось облегчение. – К тому же сейчас это невозможно по чисто техническим причинам, – продолжила я, чувствуя себя достаточно уверенно, чтобы пошутить, – поскольку я ни с кем не встречаюсь.

– Значит, тебя ничто не держит в Лондоне?

– Нет. У меня, естественно, есть друзья, а родители несколько лет назад вышли на пенсию и уехали за границу. Как только я улажу дела с «Малышатами», я совершенно свободна и могу приступить к новой работе.

Я сознательно не говорила «к работе у вас», чтобы ей не казалось, что я все за нее решила. Сандра улыбалась и одобрительно кивнула.

– Ты, наверное, уже поняла: для нас это существенный фактор. Приближаются летние каникулы, и мы должны кровь из носу найти кого-то до их начала, иначе нам конец. Кроме того, через несколько недель состоится невероятно важная архитектурная выставка, и наше с Биллом присутствие просто необходимо.

– Каков крайний срок?

– Ри приезжает на каникулы в конце июня – через три или четыре недели. А выставка начинается в выходные перед ее приездом. На самом деле чем скорей, тем лучше. Две недели – терпимо. Три – с натяжкой. Четыре – практически катастрофа. А ты должна сообщить на работе за четыре?

– Да, но я подсчитала, пока разбирала вещи, что у меня есть не меньше восьми дней отпуска, так что получается чуть больше двух недель, а возможно, и меньше. Думаю, я смогу договориться.

На самом деле я сомневалась, что мне пойдут навстречу. Джанин, заведующая ясельным отделением, терпеть меня не могла. Она, конечно, не расстроится, что я их покидаю, но и не станет расшибаться в лепешку, чтобы помочь.

Если честно, я знала и другие способы. Например, сотрудникам детских садов запрещено появляться на работе в течение сорока восьми часов после желудочного гриппа. Я чувствовала, что в середине июня могу подхватить целую кучу подобных инфекций. Правда, Сандре я этого не сказала. Люди почему-то не хотят иметь няню с гибкими моральными установками даже ради их блага.

Пока мы ели, Сандра задала еще несколько типичных вопросов: опиши свои сильные и слабые стороны, приведи пример трудной ситуации и как ты из нее вышла… Все как обычно. Тут я чувствовала себя как рыба в воде: отвечала легко и непринужденно, лишь немного видоизменяя ответы с учетом того, что узнала о Сандре.

Моим стандартным ответом на вопрос о сложной ситуации был рассказ о маленьком мальчике, которого привели устраивать в садик с синяками, и как я разобралась с его родителями. В детских садах история проходила «на ура», но я подумала, что Сандре может не понравиться то, что я сдала родителей властям. Вместо этого я рассказала о четырехлетней девочке, которая обижала других детей, и как я выяснила, что поведение малышки связано с ее собственными страхами перед посещением начальной школы.

Пока я говорила, Сандра просматривала сертификаты. Я знала, что они в порядке, и все равно не находила себе места. Мне стало трудно дышать, хотя виной тому могло быть не волнение, а реакция на собачью шерсть, и я с трудом подавила желание достать ингалятор.

– А что с водительскими правами? – спросила Сандра, когда я закончила историю о хулиганистой четырехлетке.

Я положила вилку на отполированную бетонную поверхность стола и сделала глубокий вдох.

– Честно говоря, с этим небольшая проблема. У меня их украли вместе с бумажником. Я заказала новые, но они потребовали свежую фотографию, и это тянется целую вечность. Могу только дать честное слово, что умею водить.

Во всяком случае, последнее было чистой правдой. К моему облегчению, Сандра кивнула и двинулась дальше. Намерена ли я продолжить учебу. Где вижу себя через год. По тому, как она отставила бокал и посмотрела мне в лицо, я поняла, что ее больше интересует последнее.

– Через год? – задумчиво повторила я, лихорадочно соображая, что она хочет услышать. Нужны ли ей мои амбиции? Любовь к профессии? Стремление к личностному росту? Странно, что она выбрала такой короткий срок. Обычно называют пять лет. Она меня проверяет? Наконец я решилась.

– Видите ли, Сандра… Вы прекрасно понимаете, что я хочу получить эту работу. И, если честно, через год я надеюсь быть здесь. Мне не хотелось бы бросать Лондон и расставаться с друзьями ради краткосрочной работы. Если уж работать в семье, то это должны быть долгосрочные отношения – как для меня, так и ради детей. Я хочу по-настоящему узнать их, увидеть, как они растут. Спроси вы, где я вижу себя через пять лет, – ответ был бы другим. Я хочу учиться, меня интересует детская психология. Но через год… я бы хотела, чтобы любая работа, за которую я сейчас возьмусь, у вас или у кого-то еще, продолжалась больше одного года – ради нас всех.

Сандра расплылась в улыбке, и я поняла, что попала в точку – она ждала именно такого ответа. Хватит ли этого, чтобы получить место? Пока непонятно.

Мы проговорили еще около часа. Сандра щедро наполняла бокалы, и где-то после третьей добавки я прикрыла свой ладонью и покачала головой.

– Спасибо, мне хватит. Я легко пьянею.

На самом деле я нормально переносила алкоголь, просто боялась, что могу утратить бдительность. Мои ответы станут не такими дипломатичными, истории запутаются. Имена и даты смешаются, и наутро я начну мучительно вспоминать, каких глупостей наговорила.

Наполняя свой бокал, Сандра бросила взгляд на часы и удивленно ахнула.

– Господи, начало двенадцатого! Я и не думала, что уже так поздно. Ты, должно быть, падаешь с ног, Роуэн.

– Есть немножко, – призналась я.

Я провела целый день в дороге, и это начало сказываться.

– В общем, я узнала все, что хотела. Завтра познакомишься с девочками, посмотрим, как вы поладите, и Джек отвезет тебя на станцию, хорошо? Во сколько у тебя поезд?

– В половине двенадцатого, так что успеем.

– Прекрасно. – Она встала, сложила посуду в стопку и поставила рядом с раковиной. – Пора закругляться, оставим это Джин.

Я кивнула. Любопытно, кто такая Джин, но лень спрашивать.

– Я только выпущу собак. Доброй ночи, Роуэн.

– Доброй ночи, Сандра. Большое спасибо за вкусный ужин.

– На здоровье. Приятных снов. Дети обычно встают в шесть, но тебе не обязательно подниматься в такую рань, разве что сама захочешь.

Она мелодично рассмеялась, и я решила поставить будильник на шесть, хотя с трудом представляла себе столь ранний подъем.

Сандра пошла выпускать собак в сад, а я вернулась в старую часть дома, вновь испытав то шокирующее чувство. Вместо уходящего в бесконечность стеклянного потолка над головой нависали кружевные фестончики в духе свадебного торта. Гулкий стук моих каблуков-рюмочек по бетонному полу смягчился на паркете и совсем затих, когда я шагнула на лестницу. На втором этаже я остановилась. Ближайшая дверь по-прежнему была приоткрыта, и я, не в силах побороть искушение, вошла в комнату, где стоял приятный теплый запах накормленного, чистого и довольного ребенка.

Петра лежала на спине, раскинув ручки и ножки, как лягушонок. Она раскрылась во сне, и я осторожно поправила одеяльце, почувствовав на запястье ее легкое дыхание. Когда я укрывала ее, девочка вздрогнула и подняла ручку, и я на мгновение замерла: сейчас проснется и заплачет. Но она только вздохнула и продолжала тихонько посапывать.

Я на цыпочках вышла из комнаты и поднялась в заждавшуюся меня роскошную спальню. Стараясь передвигаться как можно тише, чтобы не беспокоить Сандру, прислушиваясь к каждому скрипу половицы, я умылась и почистила зубы. Разложила на пухлом диванчике одежду на завтра, поставила будильник и уже собиралась нырнуть в постель, как вдруг поняла, что не задернула портьеры.

Накинув халат, я прошла к окну и потянула занавеси к центру. Они даже не шевельнулись. Я дернула посильнее и заглянула за них: может, они просто для красоты, а закрывать нужно жалюзи? Нет, настоящие. Странно. И вдруг я вспомнила: чтобы закрыть шторы, Сандра нажимала какой-то значок на панели. Они автоматические!

Черт! Я подошла к двери и провела рукой по стене. На панели загорелась куча непонятных символов. Ни один из них не напоминал шторы. Я нажала тот, что показался похожим на окно. Тишину разорвал громкий вскрик саксофона. При повторном нажатии музыка, к счастью, заглохла. Я постояла, прислушиваясь, не завопит ли Петра и не прибежит ли Сандра выяснять, зачем я разбудила детей, но все было спокойно.

Я вернулась к изучению панели, на сей раз сугубо теоретически, и попыталась вспомнить, что делала Сандра. Большой квадрат в центре – основной свет, а скопление квадратиков справа – кажется, другие светильники. А что это за спиральная штучка и бегунок слева? Громкость музыки? Отопление?

Тут я вспомнила слова Сандры об управлении голосом и негромко сказала:

– Задернуть шторы.

К моему удивлению, это подействовало. Прекрасно. Осталось разобраться с освещением. На ночнике был обычный выключатель. С остальными светильниками я справилась методом проб и ошибок, а вот лампа возле кресла никак не хотела выключаться.

– Выключить свет, – скомандовала я.

Ничего не произошло.

– Выключить лампу.

Вместо нее погас ночник.

– Выключить лампу у кресла.

Ничего. Вот дьявольщина!

В конце концов я увидела, что шнур от лампы тянется к странного вида розетке в стене, и выдернула его. Комната мгновенно погрузилась во мрак. Я медленно, на ощупь дошла до кровати и улеглась. И тут же вспомнила, что не поставила телефон на зарядку. Черт!

Чтобы не экспериментировать со светом, я включила фонарик, слезла с кровати и стала рыться в чемодане. Зарядного устройства не было. Может, я его уже вытащила? Я точно помнила, что брала его с собой. Я перерыла весь чемодан, высыпав его содержимое на ковер. Ничего. Вот хрень! Если не заряжу телефон, то на обратном пути сдохну от скуки. Я даже не захватила с собой книгу, потому что читала обычно тоже с телефона. Где же зарядное? Неужели забыла его в поезде? В любом случае, здесь его нет. Я постояла минутку, закусив губу, и открыла верхний ящик прикроватной тумбочки. Может, предыдущая няня забыла свое? О, чудо! В ящике и вправду лежал зарядный шнур, который можно вставить в порт USB.

Облегченно вздохнув, я вытянула шнур из-под кучи бумаг, вставила в розетку и подсоединила телефон. Батарея начала заряжаться, и я с чувством исполненного долга вернулась в кровать.

Я уже хотела выключить фонарик и улечься, как вдруг заметила на подушке листок, очевидно, выпавший из ящика. А вдруг это что-то важное? Нет, просто детский рисунок. По крайней мере…

Я посветила на картинку фонариком. Гм… явно не шедевр. Толстые карандашные линии изображали дом с четырьмя окнами и черной дверью, похожий на Хетербро. Все окна закрашены черным, и только из одного выглядывает бледное личико.

Странно как-то. Рисунок не был подписан, и оставалось только гадать, как он попал в прикроватную тумбочку. Я перевернула листок, пытаясь найти разгадку. На обратной стороне было что-то написано – не детским, а вполне взрослым, сформировавшимся почерком. Правда, он показался мне каким-то не английским.

Новой няне

Меня зовут Катя. Я пишу эту записку, потому что хочу попросить вас: пожалуйста, будьте

Записка обрывалась. Я нахмурила брови. Катя… Где-то я уже слышала это имя. Точно, за ужином Сандра говорила, что так звали предыдущую няню.

Значит, Катя жила в этой комнате. Спала на этой кровати. Что же она хотела сказать своей преемнице? Почему не дописала письмо? Не успела? Передумала? О чем хотела предупредить? Что-то о детях? О том, как поладить с Сандрой? Как вести себя с собаками? Речь могла идти о чем угодно, но у меня почему-то не шла из головы фраза «будьте осторожны». От этой записки вкупе со странной картинкой мне стало как-то не по себе, хотя я не могла понять, что именно меня смущает.

«Какая разница, все равно уже поздно», – подумала я, сложила листок и сунула в ящик. Выключила телефон, натянула одеяло до подбородка и приказала себе спать.

Проснувшись от противного писка будильника, я не сразу поняла, где нахожусь и почему чувствую себя как выжатый лимон. Ах да. Я в Шотландии, и сейчас шесть утра, а я привыкла вставать в полвосьмого. Я села на кровати, приглаживая растрепанные волосы и протирая сонные глаза. Снизу раздавались топот и восторженный визг. Детишки явно проснулись. Сквозь щели по краям штор просачивался солнечный свет. С трудом волоча ноги, я подошла к окну и безуспешно попыталась их открыть. Вспомнив вчерашнюю эпопею, я громко произнесла, чувствуя себя донельзя глупо:

– Открыть шторы.

Они разъехались в стороны, словно по мановению волшебной палочки. От вида за окном у меня перехватило дыхание.

Неизвестный, давно покинувший этот бренный мир архитектор Викторианской эпохи нашел идеальное место, откуда открывался потрясающий вид на бесконечную панораму голубых холмов, зеленую долину и сосновый лес. На сколько хватало глаз, за окном простирались холмистые предгорья с пунктирным узором темных ручьев, гофрированные крыши фермерских построек и далекое озеро, так ярко отражающее утреннее солнце, что напоминало заснеженную поляну. Вдали, над всем этим великолепием, возвышались Кэрнгормс – что означало, согласно «Гуглу», на гэльском языке «Голубые горы». Название показалось мне немного странным. Хотя на фотографиях мелькали все цвета радуги – зеленая трава, коричневые заросли папоротника, красноватая почва с редкими фиолетовыми вкраплениями вереска, зимой – девственная белизна, даже человек с нереально богатым воображением не нашел бы здесь голубого. Но сейчас, под лучами утреннего солнца, в поднимающейся над склонами туманной дымке, на розоватом фоне рассветного неба, горы действительно были голубыми. Я имею в виду не заросшие папоротником подножья, а сами гранитные склоны, зубчатые скалы и пики далеко за линией деревьев. На самом верху лежал снег – даже теперь, в июне.

У меня поднялось настроение. Под окном раздались шаги, и я посмотрела вниз. По дорожке, идущей от хозяйственных построек за домом, шел, держа в руке сумку с инструментами, Джек Грант. Его влажные волосы поблескивали на солнце, точно он только что принял душ. Я пялилась на его темную макушку примерно с минуту, пока не почувствовала себя вуайеристкой, после чего отошла от окна и отправилась в душ.

В ванной было темно, и я автоматически потянулась к выключателю, но тут же вспомнила о чертовой панели. Она послушно зажглась, вновь явив моему взору запутанную мозаику из квадратиков, бегунков и точек. Я нажала значок наобум. Целилась я туда же, что и вчера, да, видно, промахнулась. Вместо нормального света загорелась синим цветом окантовка вдоль плинтусов. При таком освещении можно сходить в туалет, чтобы не потревожить спящего рядом человека, а принять душ совершенно немыслимо.

При нажатии следующей кнопки синие полоски погасли, вместо них загорелись две золотистые лампы над ванной, озарив помещение теплым, приглушенным светом. Это идеально подходило для расслабляющей пенной ванны, однако душевая кабина по-прежнему оставалась темной, к тому же мне хотелось чего-нибудь более утреннего, бодрящего.

С четвертой или пятой попытки я нашла подходящее освещение – достаточно яркое и при этом не бьющее в глаза, с подсветкой вокруг зеркала – придется кстати при нанесении макияжа. Облегченно вздохнув, я сбросила халат и шагнула в душ. И тут же столкнулась с новой трудностью. Из стены и потолка торчала целая батарея разнообразных шлангов, кранов и насадок. Знать бы, как ими управлять!.. Ответ: еще одна панель, на этот раз водонепроницаемая, прямо в стене душевой кабинки.

Прикоснувшись к ней, я увидела надпись: Доброе утро, Катя.

Я моментально вспомнила незаконченную записку из тумбочки. Кроме надписи, на экране присутствовали смайлик и кнопка. Я не Катя. Я нажала кнопку, и надпись изменилась. Доброе утро, Джо. Еще одна попытка. Доброе утро, Лорен. Доброе утро, Холли. Доброе утро, гость.

Больше вариантов не было. Значит, я гость. Я нажала на смайлик. Ничего не произошло, только на экране вновь появились загадочные значки. Нажав первый попавшийся, я взвизгнула, когда меня окатило мощными струями ледяной воды. С перепугу я сразу нашла, как их выключить.

Накатило раздражение.

Надо же как-то помыться!.. А если воспользоваться чьими-то настройками, пока не разберусь? Доброе утро, Катя. Я с трепетом надавила на смайлик, и на экране появилось сообщение: «Хэппи» готовит ваши любимые настройки. Приятного душа! Когда буквы погасли, одна из душевых насадок поползла вверх, наклонилась, и оттуда пошла вода. Судя по всему, Катя была на голову выше меня и любила более горячую воду. С температурой я бы еще смирилась, но из-за разницы в росте струи били мимо, в стеклянную перегородку, что превращало мытье волос в почти непосильную задачу.

Так, надо попробовать кого-нибудь другого. На этот раз мой выбор пал на Холли. Сцепив зубы, я ждала результата.

Наконец-то! Из решетки над головой полился ласковый дождь, и это было… просто восхитительно. Трудно подобрать другое слово. Вода текла под нужным напором, пропитывая меня животворящим теплом. Капли стучали по голове, выбивая из нее остатки сонливости и выпитого вечером вина. Кто бы ни была эта

Холли, я определенно нашла в ней родственную душу. Вымыв волосы, я долго стояла с закрытыми глазами, отдавшись приятным ощущениям. Хотелось стоять здесь вечно, наслаждаясь этой вопиющей роскошью, но я вспомнила, что минут десять только разбиралась с настройками. Если не выйду прямо сейчас, то героический ранний подъем окажется бессмысленным. Зачем было вставать ни свет ни заря, если я не предстану сейчас перед Сандрой – бодрая, свежая, энергичная.

Решительно выключив воду, я потянулась за пушистым белым полотенцем, напоминая себе, что если выйду сейчас, то смогу принимать такой душ хоть каждый день.

Внизу меня встретили божественный аромат поджаренного хлеба и детский смех. На ступеньке валялся маленький клетчатый халатик, а посреди холла – одинокая тапочка. Подняв то и другое, я прошла в кухню. Сандра стояла перед огромным хромированным тостером с кусочком темного хлеба в руке. За металлической стойкой для завтраков сидели две девочки в ярко-красных пижамах. Их кудрявые волосы, у одной почти черные, а у другой – совсем светлые, были растрепаны со сна, и обе неудержимо хохотали.

– Не поощряйте ее! – взмахнула кусочком хлеба Сандра. – Если вы будете смеяться, она сделает это снова.

– Что сделает? – спросила я, и хозяйка дома повернулась ко мне.

– О, Роуэн! Господи, как ты рано! Надеюсь, тебя не дети разбудили? Некоторые члены нашей семьи никак не научатся оставаться в постели хотя бы до шести утра.

Она многозначительно кивнула в сторону младшей, светловолосой девочки.

– Нет, я вообще жаворонок, – соврала я.

– В нашем доме это качество тебе очень пригодится, – вздохнула Сандра.

Она была в халате и выглядела совершенно задерганной.

– Петра бросается кашей, – с булькающим смехом сказала ранняя пташка, указывая на розовощекого ребенка, сидящего в высоком стульчике в углу. На передней панели плиты висела овсяночная клякса размером с куриное яйцо, медленно сползающая к бетонному полу. Петра, визжа от восторга, набирала в метательный снаряд следующую порцию каши.

– Пета блосает, – пролепетала она и прицелилась.

– Ага, – с улыбкой сказала я, протягивая руку к ложке. – Петра, дай-ка ее сюда, пожалуйста!

Посмотрев на меня оценивающим взглядом, крошка потешно насупила светленькие бровки, и ее хорошенькое личико расплылось в улыбке.

– Пета блосает, – повторила она и запустила овсянку в моем направлении.

Я пригнулась, но мне не хватило доли секунды, и каша поразила меня в грудь. С минуту я хватала ртом воздух, а когда поняла, что произошло, пришла в бешенство. Дело в том, что я взяла с собой только два комплекта одежды, а вчерашняя блузка с пятном от красного вина – ума не приложу, откуда оно взялось, – валялась смятая в чемодане. То есть переодеться не во что, и я так и буду ходить вся в каше, пока не вернусь домой. Мелкая дрянь!

Меня спасла светленькая девочка. Она захихикала и в притворном ужасе прикрыла рот рукой. Это напомнило мне о почетной миссии воспитателя. Я выдавила улыбку.

– Здорово, да? Тебя зовут Элли? Смейся, что же ты? Это ведь так смешно.

Она убрала руку от лица и опасливо улыбнулась.

– О господи! – в отчаянии опустила руки Сандра. – Извини, Роуэн. Это неслыханно! Говорят, в два года у детей начинается первый кризис становления личности, но, похоже, Петра готовится заранее. Что с твоей блузкой?

– Ничего страшного, – сказала я.

С блузкой была полная катастрофа, во всяком случае, пока я ее не постираю, а может, и вообще. Додумалась же надеть на собеседование шелковую блузку, которую можно только чистить! Правда, я не рассчитывала на столь неформальное общение с первого дня. Ладно, раз уж это случилось, надо взять моральный реванш.

– Не волнуйтесь, – продолжала я успокаивать Сандру. – С детьми нужно быть готовой ко всему.

Прежде чем Петра успела заподозрить неладное, я отодвинула тарелку с овсянкой и поставила на стол вне ее досягаемости.

– Хватит, маленькая мисс Петра, вы хорошо повеселились, – строго сказала я и обернулась к Сандре. – Где у вас половая тряпка? Надо убрать эту кашу, пока никто не поскользнулся.

– В кладовой, вон та дверь, – с признательной улыбкой сказала Сандра. – Большое спасибо, Роуэн. Честно говоря, я не ожидала, что ты так с порога впряжешься в работу.

– Всегда рада помочь, – твердо заявила я и направилась в кладовку, потрепав по волосам Петру и подмигнув Элли.

Мэдди опустила взгляд в тарелку, словно происходящее ее не касалось. Вероятно, ей было стыдно, что она подначивала Петру.

Кладовая, без сомнения, относилась к старинной части дома. Судя по огромной раковине и вымощенному каменными плитами полу, в старые времена это была буфетная. Однако у меня начисто пропало желание любоваться архитектурными изысками. Я закрыла за собой дверь и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь избавиться от остатков раздражения, после чего занялась спасением блузки. Счистила в раковину большую часть овсянки, осталось убрать губкой следы и замыть пятно. Провозившись пару минут, я только заляпала водой юбку. Я подперла дверь шваброй и сняла блузку. Оставшись в юбке и лифчике, начала замывать пятно под краном, стараясь не сильно намочить оставшуюся часть блузки, и вдруг услышала шум с другой стороны буфетной. Там оказалась еще одна дверь, через которую вошел Джек Грант.

– Косилка работает, Сан… – начал говорить он, вытирая руки о нижнюю часть комбинезона, но, увидев меня, замолчал на полуслове, вытаращил глаза и покраснел как рак.

Я вскрикнула и прижала мокрую блузку к груди, изо всех сил стараясь защитить свою скромность.

– О, господи, извини… я хотел… я не хотел… прости, – сказал Джек, прикрыв глаза рукой, посмотрел на потолок, перевел взгляд на пол и в конце концов развернулся и выбежал на улицу, хлопнув дверью.

Я стояла, тяжело дыша, не зная, плакать или смеяться. И то и другое было бесполезно, так что я просто подсушила блузку полотенцем, висевшим на батарее, налила в ведро воды и вернулась в кухню – с такими же пунцовыми щеками, как у Джека.

– Ну что, отстиралось? – спросила Сандра через плечо, когда я вошла. – Сделать тебе кофе?

– Да, – смущенно ответила я, не зная, рассказывать ли ей о вторжении.

Интересно, она слышала мой удивленный вопль? А вдруг Джек сам расскажет?

– Сандра, я…

И тут у меня сдали нервы. Просто не поворачивался язык выговорить: знаете, Сандра, я только что устроила маленький стриптиз перед вашим работником. Это звучало как-то непрофессионально. Оставалось надеяться, что Джек, будучи джентльменом, не станет поднимать эту тему.

– Молоко и сахар? – обернулась ко мне Сандра.

– Спасибо, только молоко. – Я поставила ведро на пол и начала отчищать следы метательных упражнений Петры от плиты и пола. Мои щеки постепенно остыли.

Наконец, подкрепившись кофе и вкуснейшим тостом с джемом, я почти смогла сделать вид, что ничего не произошло.

– Итак, девочки, – сказала Сандра, вытерев руки, – у меня до сих пор не было возможности познакомить вас с Роуэн. Она приехала посмотреть, как мы живем. Поздоровайтесь.

– Здрасьте, – пробормотала Мэдди, опустив взгляд в тарелку.

Она выглядела младше своих восьми лет – темноволосая, тоненькая, с бледным личиком и худыми поцарапанными коленками.

– Здравствуй, Мэдди.

Я изобразила обаятельную улыбку, но девочка так и не подняла головы.

Элли казалась более общительной. Круглые голубые глаза смотрели на меня из-под белокурой челки с искренним любопытством.

– Здравствуй, Элли. Сколько тебе лет?

– Пять, – сказала Элли. – Ты будешь нашей няней?

– Гм…

Я лихорадочно соображала, как ответить. Если сказать «надеюсь», не прозвучит ли это слишком умоляюще?

– Возможно. Роуэн еще не решила, хочет ли у нас работать, и мы должны очень хорошо себя вести, чтобы ей понравиться, – вмешалась Сандра, незаметно подмигнув мне. – Вот что, девочки. Бегите к себе, одевайтесь, и мы покажем Роуэн, что у нас интересного.

– А Петра? – спросила Элли.

– Она побудет со мной. Ну же, раз-два.

Девочки послушно слезли с табуретов и пошлепали наверх. Мать проводила их любовным взглядом.

– Да они у вас просто ангелы! – восхищенно сказала я, зная по собственному опыту, что пятилетние дети, самостоятельно одевающиеся по команде, встречаются исключительно редко, да и за восьмилетними нужно приглядывать.

Сандра закатила глаза.

– Девочки знают, что нельзя капризничать перед гостями. Посмотрим, что они будут делать.

Она нажала кнопку на планшете, и на экране возникло изображение. Детская комната, вид сверху. Расположенная на потолке камера была направлена на две небольшие кровати. Звук не записывался, но дверь детской хлопнула так сильно, что мы услышали из кухни, а плюшевый мишка на камине закачался и упал. В нижней части экрана появилась Мэдди. Она сердито промаршировала к кровати и уселась, сложив руки на груди. Сандра нажала еще какую-то кнопку, чтобы приблизить лицо дочери, но мы увидели только макушку, потому что девочка опустила голову. Что-то щелкнуло, как будто включился микрофон.

– Мэдди, – строго сказала Сандра, – я ведь просила тебя не хлопать дверью?

– Я не хлопала.

Микрофон придал тихому голосу девочки металлический оттенок.

– Неправда, я видела. Ты могла ударить Элли. Одевайтесь, можете пока посмотреть телевизор. Ваша одежда разложена на стульях.

Мэдди молча встала и стащила через голову пижамную рубашку. Сандра отключила планшет.

– Ничего себе, – сказала я, чувствуя себя немного не в своей тарелке, – поразительно!

На самом деле мне пришло в голову совсем другое: тотальная слежка. В принципе, во многих местах, где я работала, пользовались камерами наблюдения или радионянями со встроенным микрофоном. Наверное, меня смутило, что я узнала об этом только сейчас. С вечера я не заметила никаких

камер, значит, они спрятаны. Интересно, Сандра следила за мной, когда я пошла к себе? Знает, что я заглядывала к Петре? У меня вспыхнули щеки.

– У нас весь дом подключен, – как ни в чем не бывало сказала Сандра, вернув планшет на место. – Это очень удобно. Не нужно бегать вверх-вниз по лестнице, чтобы проконтролировать детей.

– Да, очень удобно, – эхом отозвалась я, стараясь подавить неприятное чувство.

Весь дом? Что она имеет в виду? Детские комнаты – еще можно понять. Но не гостиная же? Спальни? Ванные? Нет, вряд ли. Это наверняка незаконно. Внезапно потеряв аппетит, я положила остаток тоста на тарелку.

– Ты закончила? – жизнерадостно спросила Сандра.

Я кивнула, и она отнесла грязные тарелки к раковине. Оставшаяся с вечера посуда исчезла. Наверное, таинственная Джин уже приходила.

– Тогда, пока девочки одеваются, давай посмотрим дом.

Она вытащила Петру из стульчика, протерла влажной салфеткой ее мордашку и взяла на руки. Мы вернулись в старую часть дома и прошли через холл к главному входу, по обе стороны которого были двери.

– Я объясню тебе планировку, – начала Сандра. – Холл расположен в центральной части дома, там, сзади, – кухня, из нее выходит буфетная, ты ее уже видела. Это единственное, что уцелело из помещений для прислуги, остальное пришлось снести и переделать. По фасаду у нас большие комнаты, там мы планировали столовую. – Она указала на дверь справа от входа. – Со временем мы поняли, что едим всегда на кухне, поэтому превратили столовую в библиотеку-кабинет. Взгляни.

Просунув голову в дверь, я увидела небольшое помещение, обшитое панелями насыщенного бирюзового цвета. Одну стену снизу доверху занимали книжные полки, уставленные художественными изданиями в мягких обложках и толстыми справочниками по архитектуре.

Комната напоминала небольшую уютную библиотеку в старинном особняке, принадлежащем фонду исторического наследия. Впечатление портили огромный стеклянный письменный стол по центру, на котором стоял компьютер с двумя огромными мониторами, и эргономичное космическое кресло.

Я моргнула. В том, как сочеталось здесь старое с новым, было что-то обескураживающее. В отличие от обычных домов, где современные вещи гармонично вписываются в обстановку, соединяясь в цельную картину, здесь создавалось впечатление масла и воды, которые существуют сами по себе – подчеркнутая старина и кричащая современность.

– Красивая комната, – сказала наконец я, заметив, что Сандра ждет моей реакции. – Потрясающие цвета.

Она довольно улыбнулась, поудобней перехватив Петру.

– Спасибо. Технической стороной занимается Билл, а за дизайн интерьера отвечаю я. Мне нравится этот оттенок бирюзы. Кабинет скорее относится к владениям Билла, так что мне пришлось сдерживаться, но я отыгралась на гостиной. Решила: это мой дом, почему я должна кому-то угождать? Пойдем дальше.

Мы вошли в гостиную. Вокруг изразцового камина стояли диванчики со стеганой обивкой. Потолок и мебель сохраняли тот же бирюзовый оттенок, что панели в кабинете, а стены были покрыты богатыми, изысканными обоями со сложным узором глубокого синего, изумрудного и аквамаринового цветов. Присмотревшись, я разглядела стилизованных павлинов, переплетающихся с узорчатой растительностью, что делало их практически неузнаваемыми. Листья были темно-зелеными и иссиня-черными, птицы переливались синевой и аметистом, их хвосты извивались, растекались и смешивались с зарослями в какой-то кошмарный лабиринт, навевающий мысли о клетке или непроходимой лесной чаще. Узор повторялся на каминных изразцах. По обе стороны решетки стояли два павлина. Их тела начинались на самых нижних плитках, а хвосты устремлялись вверх.

Камин не горел, но в комнате стояла вполне комфортная температура. Старинные кованые радиаторы источали приятное тепло, а по выцветшему персидскому ковру гулял солнечный луч. На медном кофейном столике лежало

несколько книг и стояла ваза с увядшими пионами. Не обратив внимания на засохшие цветы, Сандра прошла к двери слева от камина, ведущей в сторону кухни.

За дверью оказалась комната поменьше, отделанная дубовыми панелями, с потертым кожаным диваном и телевизором на противоположной стене. Я сразу поняла ее предназначение – на полу валялись сломанные игрушки, детали от конструктора, безголовые куклы. В углу стояла покосившаяся детская палатка. Темные панели пестрели наклейками, детскими рисунками и каракулями.

– Раньше это была комната для завтраков, – сказала Сандра, – но она темная, потому что выходит на север, да еще сосна под окном закрывает свет. Мы превратили ее в домашний кинотеатр, а в конце концов ее захватили дети. – Она засмеялась, подняла желтый плюшевый банан и протянула Петре. – И наконец, для полноты картины…

Пройдя вслед за хозяйкой ко второй двери, скрытой в стене, я вновь словно попала в другой мир – в стеклянный склеп в задней части дома, только с противоположной стороны. Здесь не было огромной плиты, кухонного оборудования и шкафчиков, ничто не закрывало вид, и через сплошное стекло расстилался уже знакомый мне пейзаж – лес, холмы, блестящая поверхность озера вдалеке. Ничто не отделяло нас от природы за окном, и казалось, что сюда в любую минуту может залететь ястреб.

В углу стоял манеж с резиновым ковриком в виде мозаики; Сандра опустила туда Петру с ее бананом и обвела рукой помещение.

– В старые времена с этой стороны была столовая для прислуги, но тут все прогнило, а вид настолько восхитителен, что не хотелось ограничивать его маленькими окнами, и мы решили… – Сандра резко провела ладонью по горлу и рассмеялась. – Кое-кого немного шокирует такая концепция, но поверь, если бы ты видела, что здесь было раньше, ты бы поняла.

Я вспомнила свою крошечную квартирку в Лондоне, которая могла целиком уместиться в этой комнате. У меня внутри словно что-то надломилось, и я вдруг подумала, что, возможно, мне не следовало сюда приезжать. Одно я знала точно: я не могу вернуться ни с чем.

Вы, наверное, удивляетесь, мистер Рэксем, зачем я все это рассказываю. Вы очень занятой человек и думаете, что архитектура Хетербро не имеет никакого отношения к моему делу. И все-таки это очень важно. Мне хочется, чтобы вы увидели этот дом, почувствовали его уют и тепло. Ощутили на своей коже солнце, бьющее в окна, протянули руку и погладили шершавый, словно кошачий язык, бархатный диван, потрогали шелковистую поверхность отполированного бетона.

Я хочу, чтобы вы поняли, зачем я это сделала.

Остаток утра пролетел незаметно. Я приготовила соленое тесто, и дети с моей помощью лепили из него всевозможных кривобоких созданий. Вернее, лепили старшие девочки, а Петра, к шумному негодованию Элли, захлебываясь от смеха, превращала фигурки в бесформенные комки.

Больше всего меня озадачивала Мэдди – она держалась так напряженно и неприветливо, точно поставила перед собой цель ни разу мне не улыбнуться. Я всячески старалась переменить ее отношение, хвалила за каждую мелочь, и в конце концов, вопреки своей воле, она чуточку оттаяла, даже неохотно засмеялась, когда Петра, запихнув в рот комок розового соленого теста, стала шумно отплевываться, в комичном отвращении скривив пухлое личико.

Наконец Сандра постучала меня по плечу и сказала, что пора ехать, Джек отвезет меня на станцию. Я помыла руки и легонько ущипнула Петру за подбородок.

Мой чемодан, собранный еще до завтрака, стоял у двери. Понятия не имею, кто спустил его вниз. Мне не хотелось, чтобы это сделала загадочная Джин, хотя я сама не понимала почему.

Джек стоял возле машины, засунув руки в карманы. Солнце оставляло рыжеватые блики в его темных волосах.

– Было чрезвычайно приятно с тобой познакомиться, – тепло сказала Сандра, протягивая руку. – Мне нужно обсудить все с Биллом, но могу сказать… В общем, жди нашего окончательного решения в самое ближайшее время. Очень скоро. Спасибо, Роуэн, ты замечательная девушка.

– Мне тоже очень приятно, Сандра, – сказала я. – Ваши девочки просто чудесные. – И слово-то нашла! – Надеюсь, у меня будет возможность познакомиться и с Рианнон. – Понятно, это означало «надеюсь, что получу эту работу». – До свидания, Элли. – Она с серьезным видом пожала мою руку. – До свидания, Мэдди.

К моему смятению, Мэдди не протянула руки. Вместо этого девочка отвернулась и уткнулась лицом в живот Сандры. От этого она вновь показалась мне младше своего возраста. Сандра едва заметно передернула плечами, как бы говоря: ну что с ней поделаешь?

Я тоже пожала плечами, потрепала Мэдди по волосам и повернулась к автомобилю.

Положив багаж на заднее сиденье, я обходила машину, чтобы сесть впереди, как вдруг меня чуть не сбил с ног стремительный смерч. Тонкие руки обвились вокруг моей талии, что-то круглое и твердое ударило под ребра. Пытаясь освободиться из жесткого захвата, я с удивлением поняла, что это Мэдди. Наверное, я все-таки нашла путь к ее сердцу.

– Мэдди! – сказала я, однако она молчала. Не зная, как быть, я наклонилась и обняла ее в ответ. – Спасибо, что показали мне ваш чудесный дом. До свидания.

Я надеялась, что после этого девочка меня отпустит, но она лишь усилила хватку, так что мне стало трудно дышать.

– Не… – прохныкала она в мою влажную после стирки блузку, и я не разобрала второго слова.

Не уезжай?

– Я должна уехать, – прошептала я, – но надеюсь, что очень скоро вернусь.

И действительно, я очень надеялась. Мэдди судорожно замотала головой, пряди волос рассыпались по худенькой спине. Даже через блузку я чувствовала ее горячее дыхание. Во всем этом было что-то неприятное, хотя я не могла понять, что вызывает у меня такую неловкость.

Мне вдруг очень захотелось вырваться из ее объятий, однако, помня о присутствии Сандры, я не отваживалась расцепить пальцы девочки. Вместо этого я улыбнулась и еще раз обняла ее. Она опять прохныкала что-то нечленораздельное.

– Что с тобой, Мэдди?

– Не приезжай сюда, – прошептала она, по-прежнему избегая смотреть мне в глаза. – Это опасно.

Я невольно рассмеялась.

– Что опасно? Ты о чем, Мэдди?

– Это опасно, – навзрыд повторила она, сердито тряся головой, так что ее слова были почти неразличимы. – Им это не понравится.

– Кому? – непонимающе спросила я.

Девочка наконец оторвалась от меня и побежала босиком по траве, крича что-то через плечо.

– Мэдди! Постой, Мэдди!

– Не обращай внимания, – улыбнулась Сандра, подходя ко мне с противоположной стороны машины.

Я поняла, что она не увидела в этой сцене ничего, кроме объятий и последующего бегства.

– В этом вся Мэдди. Не стоит ее трогать, она к обеду вернется. Все-таки ты ей понравилась – не помню случая, чтобы Мэдди добровольно обняла чужого человека!

– Спасибо, – смущенно сказала я, села в машину и захлопнула дверь.

Мы медленно поехали по дороге. Следя взглядом за бегущей между деревьями фигуркой, я проигрывала в уме последние слова девочки – невероятно нелепые.

Но чем больше я размышляла, тем больше росла моя уверенность, что я действительно их слышала. Призракам это не понравится, сказала она.

– Ну что ж, пора прощаться, – сказал Джек, остановившись у металлического барьера перед входом на станцию. Я пожала ему руку. Под ногтями осталось вчерашнее машинное масло, но ладонь была чистой и теплой, и у меня по коже пробежали мурашки.

– Приятно было познакомиться, – смущенно промолвила я и зачем-то поспешно добавила: – Жаль, что не получилось встретиться с Биллом… И… Джин.

– С Джин? – удивился Джек. – Она всегда приходит ненадолго, а живет в деревне с отцом.

– Так, значит, она… молода?

– Нет. – Его губы вновь изогнулись в заразительной, чуточку удивленной улыбке, и я невольно улыбнулась в ответ, хоть и не поняла шутки. – Ей лет пятьдесят, а то и больше, хотя я бы никогда не осмелился поинтересоваться ее возрастом. Нет, она… как это… опекун. У старика что-то вроде болезни Альцгеймера, его нельзя оставлять одного больше чем на пару часов. Джин приходит по утрам, пока он спит, а потом еще после обеда. Моет посуду и все такое.

– А-а. – Мое лицо вспыхнуло, я беспричинно улыбнулась. – Понятно. Я думала… Не важно.

Я и сама не знала, почему испытала такое облегчение, у меня не было времени разбираться в своих чувствах. Я понимала только, что столкнулась с чем-то неожиданным.

– Рад был познакомиться, Роуэн.

– Я тоже, Джек. – Я вновь покраснела. Издалека донесся шум приближающегося поезда. – До свидания.

– До свидания.

Джек все с той же обаятельной улыбкой протянул мне чемодан. Я тоже улыбнулась и пошла по платформе, приказав себе не оглядываться.

Лишь оказавшись в поезде и усевшись на свое место, я рискнула бросить последний взгляд в окно, но Джек уже ушел. Поезд тронулся, и последним, что я увидела в Карнбридже, была пустая, ярко освещенная солнцем платформа, ожидающая моего возвращения.

Вернувшись в Лондон, я приготовилась к томительному ожиданию. Очень скоро, сказала Сандра. А вот что это значит? Я точно ей понравилась, если, конечно, не обманываю себя. Я прошла достаточно собеседований, чтобы чувствовать такие вещи.

Интересно, у них есть на примете кто-то еще? Сандре нужен человек, который приступит к работе как можно скорее, и чем дольше я не сообщу о своем уходе в «Малышатах», тем позже смогу приехать к ним. А вдруг другая кандидатка согласится начать немедленно?

Учитывая слова Сандры, я надеялась найти письмо или сообщение уже по приезде, однако не получила ничего ни вечером, ни на следующее утро, когда собиралась на работу.

По правилам, нам полагалось оставлять выключенные телефоны в раздевалке, и я изнывала от нетерпения, выслушивая вечные поучения Джанин и ее болтовню о зануде бойфренде. Мои мысли были далеко. Едва дождавшись обеда, я торопливо закончила менять подгузник очередному малышу и передала его своей напарнице Хейли.

– Послушай, Хейлс, можешь о нем позаботиться? У меня срочное дело.

Сняв полиэтиленовый фартук, я опрометью бросилась в комнату для персонала, достала из шкафчика сумку и выбежала через черный ход во внутренний дворик, подальше от взглядов детей и родителей. Там мы обычно курили, звонили по телефону и занимались другими запретными делами. Телефон не хотел включаться целую вечность, руки дрожали; в конце концов мне удалось ввести пароль и обновить почту. Пока загружались письма, я по привычке теребила пальцами кулон. Все письма оказались спамом или маловажной чепухой, и у меня упало сердце, как вдруг я заметила маленький значок в углу экрана: голосовое сообщение.

Пока я нажимала кнопки, слушая автоматические указания, у меня от волнения сводило желудок. Если они меня не возьмут… если не возьмут…

Я не знала, что буду делать, если мне откажут. Наконец раздался гудок, и я услышала хорошо поставленный голос Сандры:

«Здравствуй, Роуэн. Извини, что не могу поговорить с тобой лично – наверное, ты на работе. Рада сообщить, что обсудила все с мужем, и мы готовы предложить тебе работу, если сможешь начать не позднее семнадцатого июня, по возможности – раньше. Я помню, что мы не обсудили точные условия выплаты вознаграждения, о которых я упоминала в письме. Мы планируем выдавать тебе тысячу фунтов в месяц, а основная сумма будет выплачена по истечении года. Надеюсь, тебя это устраивает. Условия несколько необычные, но, поскольку ты будешь жить у нас, ежедневных расходов будет не так много. Пожалуйста, как можно скорее дай знать, принимаешь ли ты наше предложение, и еще: я очень рада нашей встрече. Меня поразило, как хорошо приняли тебя дети, особенно Мэдди. У нее сложный характер… Я опять заболталась, извини. В общем, мы будем счастливы видеть тебя на борту. С нетерпением жду ответа».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Барристер – категория адвокатов в Великобритании высшего ранга. В отличие о солиситора, имеет право выступать во всех судах. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Норланд-колледж – известное учебное заведение Англии, занимающееся подготовкой нянь, в том числе для королевской семьи.

Купить: https://tellnovel.com/rut-ueyr/povorot-klyucha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити